

Хроники Террана

Евгения Витушко

ДРАКОНИЙ ОБОРОТЕНЬ

Аннотация

Однажды в Ворожейную ночь юная элдарская принцесса решила погадать на судьбу перед волшебным Зеркалом Оракула. Вот только образ, увиденный ею в Зеркале, оказался довольно неожиданным, да и исполняться предсказанное будущее начало тоже весьма странным способом, в результате чего в жизни принцессы появляются драконы и оборотни, сражения и побег, дальние странствия и множество приключений... Куда же в конце концов приведет ее судьба, и к каким последствиям вообще может привести невинное гадание в тихую Ворожейную Ночь?

Евгения Витушко

Драконий оборотень

Пролог

Ночь выдалась дивная. Тишина, покой, звезды искрятся алмазной крошкой, щедро рассыпанной по черному бархату неба. И, куда ни глянь — снег, снег, целые горы снега... Одно слово — Ворожейная Ночь! В эту ночь даже нежить — сиречь, упыри да вурдалаки — пребывает в благодушном настроении и преспокойно полеживает себе в своих логовах.

«Хороша у повара вишневая наливка!» — умиротворенно думал Авдей, неторопливо шагая в сторону конюшен. Надо было проверить кое-что, сторожа навестить, а заодно поглядеть, чем там занимается младший конюший, которому было нынче поручено тщательно вычистить стойла господских лошадок. Несколько неуклюже переваливаясь из стороны в сторону по сугробам, старший конюх добрал до сторожки и заглянул в оконце. Сторож Казьмир безмятежно спал, притулившись спиной к деревянной стенке и чудом удерживая равновесие на колченогом стуле. Его раскатистый храп мог прекрасно распугать всех воров как минимум на версту вокруг. Ладно уж,

пусть «посторожит» еще малость, усмехнулся про себя конюх и отправился дальше.

Зайдя на конюшню, Авдей медленно прошелся вдоль стойл, попутно заглядывая в каждое, по-хозяйски придирчиво оценивая качество выполнения уборки. Придаться было особо не к чему. Молодец парнишка, справный, конюх одобрительно крякнул.

Дойдя до «апартаментов» хозяйских любимцев, Авдей привычно остановился полюбоваться благородной статью заморских лошадок, за которых его господин в свое время выложил немалые деньги. Пара длинногривых эльфийских д'ариэнов отдыхала, время от времени неторопливо склоняя точеные морды к кормушке, наполненной отборным золотым овсом. Владыка Элдара купил их специально для своей жены, благородной эльфийки Рэнниэль из Фьерр-Эллинна — и уж кому-кому, а этим лошадам ни в чем отказа не было.

Авдей протянул руку и ласково похлопал белоснежного жеребца по холеному крупу. Тот слегка повернул голову и презрительно покосился на него. Мол, это что еще за вольности? Весь в хозяина, усмехнулся конюх. Такой же гордый и высокомерный.

Тихая возня и непонятный шум, раздающиеся из дальнего конца помещения, привлекли внимание

Авдея. Конюх насторожился. Осторожно прокрался вглубь конюшни, предусмотрительно прихватив по дороге прислоненные к стене вилы, и добравшись до пустого стойла, заглянул внутрь.

«Справный» парнишка-конюший времени даром не терял, предпочитая молодецкому сну активное бодрствование на пару с кухаркиной дочкой. Конюх добродушно хмыкнул на разгоряченную парочку — и, с облегчением вернув вилы на место, так же тихо вернулся к выходу.

На пороге Авдей неуверенно потоптался. Спать идти не хотелось, возвращаться в душное тепло кухни тоже. Поплотнее запахнув теплый кожух, он прислонился к стене. «Подышу немного свежим воздухом, а там пойду, сторожа растолкаю», — решил Авдей, глядя на бледно-желтый круг луны, похожий на кусок свежего сливочного масла.

* * *

Страшный голод, небывалый прежде, гнал ее вперед — заставлял неуклюже скакать через сугробы, проваливаясь с головой в обжигающе холодный снег, выныривать из него, отряхиваясь и отплевываясь, и снова бежать, бежать... Лапы онемели от холода, внутренности свела болезненная судорога. Из саднящего горла

вырвался хриплый, тоскливый вой. Странное, повелительное чувство, пришедшее извне, заставляло ее бежать — бежать туда, где...

Тварь издалека почуяла это — запах человеческого жилья. Потянув носом, она быстро определила направление — и, внезапно вся преобразившись, стремительно и плавно понеслась вперед, черной неуловимой тенью стелясь над сугробами. Жадно и нетерпеливо поскуливая, она мчалась вперед, нервно вздрагивая от предвкушения. Там, она знала, находится то, ради чего она вылезла из своей берлоги в тихую Ворожейную ночь — то, ради чего ее вырвал из сна этот дикий, мучительный голод, пришедший неизвестно откуда...

* * *

В комнате было нечем дышать от дыма ароматических свечей, которыми Ортисса, по своему обыкновению, заставила все пригодные и непригодные для этого поверхности. Сама провидица сидела за столом в центре комнаты, кутаясь в тонкую, богато расшитую шаль эльфийского шелка, лично подаренную ей Владычицей Элдара. Потрескивание безбожно чадающих фитильков сплеталось с тихим девичьим смехом, мелким бисером рассыпающимся по

комнате.

Мы, трое, сидели у стола. Остальные девушки — дворовые служанки, горничные, судомойки — сбились по углам в перешептывающиеся и хихикающие стайки, терпеливо дожидаясь своей очереди.

— Нет. Абсолютно ничего не вижу! — Я как можно беспечнее пожала плечами, стараясь ничем не выдать охватившей меня чувства неловкости.

— Ладно, ладно... — Ортисса задумчиво провела ладонью над Зеркалом Оракула, и его поверхность снова погрузилась во тьму. — Давай попробуем еще раз. Может... хм, несколько изменишь формулировку?

Солар сбоку от меня издала тихий, но отчетливый смешок. Я привычно проигнорировала ее, твердо решив, что уж если погибать, так с гордо поднятой головой.

— Отлично. Покажи мне, Зеркало, человека, за которого я выйду замуж.

Слово «молодого» я в этот раз опустила, уступая пожеланию Ортиссы. Может быть, мой суженый давно покинул сей привлекательный возраст, и в этом все дело? Мне-то, в мои шестнадцать, любой мужчина старше двадцати пяти казался глубоким стариком, однако Владыка Элдара, наш отец, вряд ли стал бы принимать во внимание такие мелочи, устраивая мою судьбу.

Поверхность Зеркала, заключенная в потемневшую от времени деревянную раму, слегка просветлев, упорно клубилась непроглядным туманом. На мгновение мне даже показалось, будто клубы марева в его глубине явственно складываются в глумливую ухмылку.

Стиснув зубы, я мельком покосилась на старшую сестру.

Солар на меня не смотрела. Она сидела, небрежно откинувшись на спинку стула и сложив ухоженные руки на груди, и, казалось, не принимала во всем происходящем ни малейшего участия. Ее губы изгибались в изящной полуудивленной-полуснисходительной улыбке, адресованной сразу всем и никому, а глаза без особого интереса вглядывались в туманную глубину зеркала. В этом году она не гадала. Зачем? Владыка уже выбрал для нее мужа, и не станет менять решение из-за какого-то там «пророчества».

И все же она пришла, чтобы посмотреть, как буду гадать я. Уж такое она бы ни за что не пропустила — такой чудесный повод похихикать надо мной!.. В очередной раз.

Я перевела взгляд на Лиону, сидевшую по другую сторону стола и рассеянно накручивающую на палец кудрявую рыжевато-каштановую прядь. Беспечно качая ногой, она все еще продолжала с интересом заглядывать в Зеркало, словно не

понимала, что обещанного зрелища не будет.

— Странно... — Ортисса задумчиво побарабанила пальцами по покрытой скатертью столешнице. — Обычно осечек не бывает, разве что...

Она едва заметно нахмурилась, замолчала и, казалось, погрузилась в размышления. Потом снова глянула на меня.

— Да ты не переживай! — Она, похоже, решила, будто я нуждаюсь в утешении. — Уж тебя-то, моя красавица, Владыка без мужа не оставит!

«Да не переживаю я!» — мысленно подавила я стон. — «Говорила б ты только потише...»

Наше затянувшееся гадание не прошло незамеченным. Я видела, как девицы-горничные из своих углов заинтересованно вытягивают шеи, пытаясь понять, что происходит. Шепот усилился. До меня долетели обрывки разговоров.

— ...никак судьбы не сложит?..

— Бесовщина какая-то...

— Тьфу, ты! Чего несешь-то? Еще и против ночи!.. — Краем глаза я заметила движение — сразу несколько рук сложились в охранные жесты. Интерес к моей персоне продолжал неуклонно возрастать.

И в этот момент Солар, наконец, надоело ждать. Она откинула за спину тяжелую золотистую

косу и неторопливо выпрямилась на своем стуле. Не прикладывая ни малейших усилий, сестра мгновенно стала центром всеобщего внимания. Как, впрочем, и всегда.

— Ты, Ортисса, все осторожничаешь, ходишь вокруг да около... — Голос Солар звучал мягко и тягуче, словно мед, однако только глухой не расслышал бы в нем властных, повелительных ноток. — Вот оно и упрямится, это старое Зеркало. Сейчас я покажу тебе, как нужно с ним разговаривать.

Ортисса, занимающаяся ворожбой столько, сколько я себя помнила, и знавшая нас всех троих практически с пеленок, саркастически глянула на нее исподлобья, но промолчала. В сладкозвучном голосе моей сестры, при всей ее воздушной внешности, по мере взросления все явственнее проступал металл, и потому мало у кого из обитателей замка хватало дерзости ей перечить. Правда, старую ворожею было не так-то легко смутить. Коротко усмехнувшись, та сделала иронически-приглашающий жест в сторону старой резной рамы. Солар невозмутимо проигнорировала ее насмешливый взгляд и встала перед зеркалом.

— Смотри внимательно, милая, — снисходительно обратилась она, на этот раз, ко мне. — Я покажу тебе, как это делается. У тебя все еще слабовато выходит, я заметила.

Я мысленно возвела очи горе. Горбатого могила исправит... Она скорее позволит отрубить себе обе руки, чем упустит возможность потыкать меня носом в мои недостатки или выставить на всеобщее посмешище. Интересно, все старшие сестры такие язвы?..

Солар, между тем, уже уверенно простерла руку над клубящейся зеркальной поверхностью и, в воцарившейся тишине, повелительно заговорила:

— Заклинаю тебя, Зеркало Соа-ад-Дина, жаром огня, изменчивостью воды, чистотой серебра, силою всех частей и осколков твоих, найденных живыми, утерянных мертвыми и погребенных в песках быстротечного времени! Покажи мне судьбу сестры моей, Мирраэль Дэйнивы Элдарской — будь то человек или зверь, будь то жизнь или смерть!..

— Ваше высочество! — словно не веря собственным ушам, ошеломленно воскликнула Ортисса.

Но было поздно.

С кончиков тонких пальцев принцессы сорвались бледно-голубые искры и пробили клубящуюся туманную завесу отражения, словно молния дождевые облака. Зеркало засияло ровным голубоватым светом. На его кристально-прозрачной поверхности проступило четкое изображение — и из мерцающей глубины до нас донесся низкий

рокочущий рык... А в следующее мгновение, глухо звякнув, зеркало упало на стол плашмя, опрокинутое рукой Ортиссы.

— Все! На сегодня гаданье закончено! — сердито рявкнула провидица, обводя комнату пылающим от гнева взором. — Марш отсюда все! Живо!

Не успевшие погадать девушки разочарованно зашумели, однако после недолгого колебания все же послушно потянулись к выходу. А Ортисса, тем временем, уже развернулась к моей сестре. В этот момент она была настолько зла на Солар, что казалось, еще немного — и на той задымится платье. Все напускные признаки субординации были мгновенно забыты.

— А о вас, юная госпожа, я буду говорить с вашей матушкой лично! Уж она-то разъяснит вам доходчиво, стоит ли ради забавы пользоваться такими серьезными оккультными заклинаниями!..

Воспользовавшись тем, что Солар на мгновение отвлеклась, я незаметно выскользнула из комнаты. Промчалась мимо озадаченных слуг по лестнице, на ходу натягивая прихваченную по пути шубку, и опрометью выскочила во двор. По инерции пробежала еще несколько шагов и затормозила. Постояла минуту, глубоко вдыхая резкий морозный воздух, а потом решительно зашагала прочь от замка.

Не надо было мне даже близко подходить сегодня к этому проклятому Зеркалу! И чего это я, острых ощущений захотелось? Ну и Солар, конечно, тоже большое «спасибо». Не могла не порисоваться перед публикой.

Впрочем... Может, это был просто розыгрыш? Я ведь не догадалась проверить Зеркало на предмет иллюзии. Имея в сестрах чародеек, нужно всегда быть готовой к подобным шуткам — тем более, что и сама вполне могла бы сотворить что-нибудь в том же духе. Зря, что ли, мы с сестрами вот уже три года, как изучаем чародейские науки под руководством ренвинского профессора! Отец, конечно, до сих пор не испытывает особого восторга по этому поводу, но мать в этом вопросе была непреклонна — дочери-полукровки должны обучиться магии и получить дипломы чародеек, как это и пристало благородным эльфийским девицам. Под ее уговорами отец, более желавший видеть нас воспитанными по человеческим законам — и коротающими дни за музицированием и рукоделием — в конце концов был вынужден уступить.

Правда, отправить нас в Коббе-Ренвин — имперский Магический Университет — он наотрез отказался, но зато пригласил оттуда преподавателя к нам, в Элдар. Так что, пусть и не на уровне стационарного обучения, но кое-что мы тоже

умели. И, само собой, у каждой были свои пристрастия. Лиона, самая младшая из нас, предпочитала боевую магию. Она вообще была у нас самой боевой — с ранних лет увлекалась оружием. Ей бы мальчишкой родиться. Мое сердце было отдано целительству — сказывались, наверное, материнские гены. А вот Солар увлекалась прорицательством и иллюзиями. Да-да, именно иллюзиями! Оттого, пожалуй, и не стоило мне относиться к увиденному чересчур всерьез. И все же...

Ортисса, конечно, быстро опрокинула Зеркало, но все же не достаточно, чтобы скрыть от меня то, что проявилось в его глубине. Пара внимательных серебристых глаз, не то собачьих, не то волчьих — не знаю. Одно было точно — человеку они принадлежать не могли. Зверь, определяющий мою судьбу? Что бы это могло значить? И этот странный звук — то ли тихий рык, то ли призывное урчание...

Поглощенная собственными мыслями, я и не заметила, как дошла почти до конца тисовой аллеи. И слишком поздно увидела метнувшуюся ко мне из ночного мрака тень. Как она здесь оказалась?!.. С пронзительной ясностью понимая, что уже не успеваю ни уклониться, ни защититься от нацеленных в мое горло бритвенно-острых клыков, я коротко вскрикнула... И задохнулась от боли,

падая в снег под весом огромной, хрипло рычащей твари, рвущей зубами белую песцовую шубу. Длинные острые когти вонзились в мою плоть, раздирая грудную клетку в попытке добраться до сердца....

* * *

Рэнниэль срывающимся голосом завершила ритуальную фразу. Стоя у раскрытого окна, она прислушалась к тающим в ночной мгле отголоскам Зова, пристально вглядываясь в ночной мрак, словно надеясь на мгновенный ответ. Пелена из снежных хлопьев становилась все гуще, сокращая видимость практически до нуля. Тихая безветренная ночь внезапно разразилась снегопадом с перспективой на метель.

Эльфийка зябко поежилась. Старая сторожевая башня на въезде в замок давно выполняла чисто декоративную роль, а потому никто уже много лет не занимался ее благоустройством. В широкие обзорные окна, кое-как прикрытые кособокими ставнями, немилосердно дуло, и залетающий через щели снег успел покрыть каменный пол тонким мучнистым слоем. Ледяной ветер, порывами влетающий в оконный проем, все время норовил задуть костры, разведенные в углах башни. Четыре костра — по

одному на каждую сторону света. Если бы можно было закрыть и это окно, стало бы теплее, но она не решалась. Ей казалось, что стоит захлопнуть ставни — и тонкая незримая нить Зова оборвется. И тогда тот, кого она так ждала, не сможет найти ее в клубящемся за окном белом кружеве метели.

«Пожалуйста, поторопись!»

Рэнниэль отвернулась от окна и подошла к бесформенной куче грязного тряпья, лежащей на полу посреди башни. Протянув руку, коснулась кончиками пальцев бесформенного мехового лоскута, нелепо торчащего среди одеял. Белый песцовый мех, покрытый обледеневшей бурой коркой засохшей крови...

Эльфийка тихо застонала от бессилия.

Ее нашли подвыпивший конюх и едва продравший глаза сторож, как раз решивший выйти поразмяться. Именно сторож и убил ту мерзкую тварь — прострелил ей голову из серебряного арбалета. Но было слишком поздно. В том, что осталось после жуткого звериного пиршества, подоспевшие родители с ужасом узнавали очертания знакомой девичьей фигурки. Сплошное кровавое месиво вместо горла и грудной клетки вперемешку с шелковыми и меховыми лоскутами. Пряди длинных пепельных локонов, перевитых хрустальным бисером, засохли твердой грязно-бурой проволокой. Но где-то там, в глубине

истерзанного тела, Рэнниэль с замиранием сердца угадала слабое, угасающее трепетание жизни.

Едва прошел первый шок, она начала действовать. Прежде всего, велела перенести тело дочери в сторожевую башню, после чего выгнала оттуда всех, включая собственного мужа, и строго-настрого запретила хоть словечком обмолвиться о происшедшем кому-нибудь в доме. Утром слуги получают хорошее вознаграждение за то, что будут держать язык за зубами. Но это будет утром, а сейчас у нее были дела поважней.

Оставшись одна, Рэнниэль развела костры, чтобы хоть немного прогреть башню, и, распахнув окно, начала нараспев читать заклинание Зова. Это заклинание она знала с юности. Он сам научил ее, заставлял повторять снова и снова, пока каждое слово не впечаталось в память намертво. На всякий случай — сказал он тогда. На всякий случай.

Рэнниэль помнила, как когда-то давно ее мать однажды воспользовалась Зовом ради ее отца, на которого напал невесть как попавший в Эльфийские Пределы вурдалак. Теперь же она зовет его ради своей дочери...

«Поторопись, прошу тебя!»

Она присела возле неподвижного тела, сосредоточенно шепча заклинания и не давая угаснуть едва тлеющей жизни. Ей оставалось только ждать...

Громкое хлопанье гигантских крыльев внезапно перекрыло шум вьюги. Длинные трехгранные когти уцепились за подоконник, высекая глубокие борозды в камне. В оконном проеме показалась узкая чешуйчатая голова, увенчанная парой изогнутых продольных роговых гребней.

Дракон повертел головой, придирчиво оглядывая помещение.

— Тессновато...

— Прости, — Рэнниэль торопливо поднялась ему навстречу. — Ничего лучше я не придумала. По крайней мере, здесь теплее, чем на улице.

— Это уж точно! — Огромный крылатый ящер с трудом протиснулся в окно и, сложив крылья, тяжело спрыгнул на пол, волоча за собой длинный чешуйчатый хвост. — А ессли прикрыть ссоставни, будет еще лучшше.

— Да, конечно, — Рэнниэль поспешно захлопнула окно.

— Ну и метель — не видно ни зги! Ну-ка, что у нас тут?.. — Дракон, с интересом осмотревшись, заметил кучу на полу. — Так-ссс... Кому-то сснова понадобилассь донорсская помощь? А я-то думал, ты просссто по мне сосскучилась!

В гулком голосе ящера слышалась легкая насмешка.

— Грей! — Рэнниэль почувствовала, как вдруг охрип ее голос. — Грей, это... моя дочь.

Дракон на мгновение замер, потом оглянулся на нее с внезапной серьезностью — и снова посмотрел на тряпичную кучу.

— Дочь?.. Что ж, тогда к делу, Рэн. Не мешшшкой!

Разыгравшаяся к полуночи метель постепенно шла на убыль. Свернувшийся на полу дракон приподнял голову и осторожно заглянул в грудку тряпья. Похоже, все прошло успешно. Это хорошо... Девочка была еще слишком молода, чтобы умирать. Тем более, дочь Рэнниэль.

— Рэн, а что ты вообще делаешшь в этой дыре?

Эльфийка усмехнулась.

— Живу.

— Шутишшь!

— Нет... Я замужем за Ольрихом Элдарским, здешним правителем.

— Да броссь!

— Грей! Ты, вообще, хоть иногда следишь за новостями? Я ведь отсылала тебе приглашение на свадьбу! Было, кстати, очень мило с твоей стороны его полностью проигнорировать.

— А-а... Знаешшь, как это бывает? Дела, дела... — В голосе ящера скользнуло некоторое

смушение. — К тому же, я не любитель вссех этих шумных пирушек.

— Знаю. Иначе уже давно потребовала бы твою голову на блюде за такое отношение к друзьям.

Дракон шумно вздохнул и прикрыл веками огромные желтые глаза. Однако почти сразу же снова резко вскинул голову и сердито встопорщил головные гребни. От раздосадованного выдоха вокруг ноздрей завихрились маленькие огненные смерчи.

— Драконий хвоссст и когти василиссска!..

Рэнниэль удивленно вскинула брови. В исполнении дракона подобное ругательство звучало... ну по меньшей мере странно.

— В чем дело, Грей?

— Рэн! Ты замужем за человеком!

— Да. Я же только что это сказала... — терпеливо повторила она. — Иначе что бы я, по-твоему, делала «в этой дыре»? Обычный Брак Договора. А что тебя так шокирует?

Дракон снова шумно и выразительно вздохнул и закатил глаза.

— Рэн, я понимаю, что ты сейчассс не в том сосстоянии, чтобы мыслить ясно, но чему-то же и тебя в сссвое время учили в шшколе! Есссли мать — эльф, а отец — человек, то кем тогда будет ребенок?.. Подумай хорошшенько.

— Ну полукровкой, если ты об этом.

— Да, да, об этом! — дракон нетерпеливо кивнул. — Полукровкой!

Полуэльфом-получеловеком. Ты ссследишь за моей мыссслью?.. А теперь добавь-ка к этому еще и кровь дракона!

Несколько мгновений эльфийка недоуменно смотрела на него. Затем ее зрачки расширились в озарении и внезапном понимании.

— О... Так ты имеешь в виду...

— Именно! — с мрачной язвительностью отозвался дракон. — И ты все еще сссчитаешь, что дейссствительно *помогла* ей?..

Ночь перевалила на последнюю четверть. Грей еще раз заглянул в грудку тряпья. Девушка безмятежно спала, целая и невредимая, словно ничего и не случилось. О недавней трагедии напоминала только разодранная в клочья окровавленная одежда.

— Твоя дочь... Такая взроссслая! Сссколько же мы с тобой не виделись?

— Лет двадцать, — Рэнниэль улыбнулась. — У людей время, кажется, течет быстрее.

— Да уж... — Дракон недолго помолчал. — Ну что? Не жалеешь?

Рэнниэль поняла, что он спрашивает вовсе не о жизни среди людей. Снова посмотрела на спящую

девушку и уверенно покачала головой.

— Нет. Даже если бы я вовремя сообразила, все равно поступила бы так же.

Некоторое время они молча прислушивались к шуму ветра за стенами башни.

— Эх, ладно... Мне пора, — Грейдеринг поднялся и с хрустом потянулся. — Метель ссстихла. Не хочу пугать твоих подданных понапрасну. Дружба ссс драконами, знаешь, может повредить репутации.

— Чьей? — с иронией поинтересовалась Рэнниэль.

Уже взгромоздившись на подоконник и наполовину расправив крылья, дракон замешкался.

— Ты хоть представляешьссь себе, *что* мы наделали? — Янтарно-желтые глаза смотрели на эльфийку выжидательно и пытливо. — Догадываешься, к каким поссследствиям это может привессти? И чем чревато все это, прежде всего, для *нее*? — Грей выразительно кивнул на грудку тряпья. — Чую я, что теперь тебе нужно быть готовой к любым ссюрпризам...

— Ни ты, ни я не знаем этого наверняка, — Рэнниэль рассеянно теребила край одеяла. — Может статься, все обойдется. В любом случае, пока смогу, я буду защищать ее, а там... Поживем — увидим.

Какое-то время дракон молча смотрел на нее.

В глубине огромных золотисто-желтых глаз вспыхивали и гасли переливчатые янтарные искры.

— Знаешь, почему я всегда откликаюсссь на Зов твоего рода?

Эльфийка, немного поколебавшись, отрицательно покачала головой. Грей оскалил в усмешке крупные трехгранные клыки:

— Потому, что ссс вами не соскучишьссся.

И, взмахнув крыльями, стремительно взмыл в ночное небо.

Глава 1. Умертвие

Ветер швырнул новую пригоршню градин в ставни. Грохнуло, как от выстрела над ухом. Я подскочила на кровати и еще глубже зарылась головой в подушку, попутно высказывая все когда-либо слышанные мною ругательства в адрес богов или бесов, ответственных за местные климатические условия. Разве это весна? Разве это траводар-месяц?! Может, я не только от жизни отстала, но и календарем пользоваться разучилась?

Еще один картечный залп в окно. Нет, все-таки подушка не дает ожидаемого эффекта. Я обреченно застонала. Похоже, поспать сегодня так и не удастся. Встала с постели, не глядя, засунула ноги в тапочки, и направилась к книжному шкафу. Проходя мимо камина, мельком глянула на едва

тлеющие угли. Пламя вспыхнуло с новой силой, весело заплясав на поленьях.

Возле шкафа я остановилась. Та-ак, что у нас тут?.. «История Элдара», «География Террана», «Экономический справочник стран восточного побережья», «Атлас торговых путей Империи Палесм»... Мама дорогая! Кто же мне на этот раз литературу подбирал?! Впечатление такое, будто с полка все гребли, не глядя. Или только впечатление? Сейчас проверим... Еще раз пробежалась глазами по корешкам книг и хмыкнула, в очередной раз убеждаясь в собственной правоте. Как обычно, ни одной книги по магии. Я вздохнула. Ну ладно, нельзя по магии. Но неужели так сложно снабдить девушку нормальной художественной литературой?

Я вслепую пошарила на полке рукой. Ага, что-то есть. Пальцы наткнулись на засаленный переплет. Вытащила книгу, рассмотрела на свет. «Рыцарский роман». Судя по степени липкости и захватанности обложки, читали ее не только рыцари, но и их оруженосцы, конюхи, лакеи и кухарки... причем, не моя и не вытирая рук после работы.

Я вздохнула, устроилась поудобнее в кресле у камина и углубилась в чтение.

* * *

Мать мне все рассказала на следующее утро. Поверить в ее рассказ было трудно, а не верить — еще труднее. Особенно после того, как я начала меняться.

Впервые это произошло спустя, примерно, две недели после тех памятных событий. Я проснулась посреди ночи от кошмара, в котором меня снова и снова терзала ужасная черная тварь. Тело покрылось липкой противной пленкой испарины, дыхание вырывалось из груди быстрыми рваными толчками. Плюс, непонятно откуда взялась ноющая, ревматическая боль в ногах. Продержавшись минут пять, ломота в костях прошла, но спать уже совершенно расхотелось. Зато очень захотелось пить. Я встала с кровати и босиком прошлепала к туалетному столику, где белел в темноте расписной фарфоровый кувшин с водой.

Цок, цок, цок...

Это что? Какой-то зверь? Может, крыса?? У меня в спальне?!!

Я торопливо зажгла световой импульс у себя над головой и огляделась. Никого... Да и крыса для такого звука должна быть, по меньшей мере, размером с собаку!

Цок, цок...

Сориентировавшись, наконец, на звук, я опустила глаза вниз... для того, чтобы увидеть

вместо собственных ступней пару серых чешуйчатых лап, заканчивающихся длинными острыми когтями.

Моего пронзительного переливчатого визга не услышали, наверное, только глухие привидения в самых глубоких подземельях замка. Все остальные его обитатели уже через пару минут толпились под дверями моей спальни. Мать провела немало времени, убеждая меня вылезти из узкой щели между гардеробом и стеной, куда я забилась с перепугу. Отец, не говоря ни слова, просто стоял рядом и мрачно наблюдал за ее попытками.

— Ну а ты-то что молчишь? — промаявшись со мной с четверть часа, мать раздраженно повернулась к нему. — Видишь, она не хочет вылезать, скажи же что-нибудь!

— И что же ты хочешь от меня услышать? — холодно поинтересовался Владыка.

— Сам придумай, — она раздраженно откинула волосы со лба. — В конце концов, она и твоя дочь тоже.

— Не уверен.

— Что? — ее рука замерла в воздухе, так и не дойдя до лица.

— Я сказал, что не уверен, — повторил отец, твердо встретив ее взгляд. — Это — не моя дочь. Моя дочь умерла, я сам видел ее мертвой. А кто или что *это* ... — он, не глядя, кивнул в мою

сторону. — Я не знаю.

И, не дав нам обеим опомниться, резко развернулся и вышел прочь из комнаты. Некоторое время мы продолжали молча смотреть ему вслед, потом мать произнесла несколько слов по-эльфийски — из тех, которые обычно не включают в лингвистические словари — и снова повернулась ко мне.

— Не обращай внимания, дорогая. Он вовсе не думает того, что сказал.

Я промолчала, ошарашено глядя на захлопнувшуюся за отцом дверь.

Что ж, теперь мне становилось понятно, почему в последнее время наши встречи с ним стали так редки. Дело было не в большом количестве дел, как я думала. Он намеренно избегал встреч со мной, не желая общаться с ожившей покойницей... Словно угадав мои мысли, мама ободряюще потрепала меня по руке.

— Не обращай внимания, — повторила она. — В конце концов, твой отец — всего лишь человек. Со временем все наладится.

От сидения в неудобной позе спина затекла немилосердно. Я даже и не заметила, когда мои ноги успели снова принять свой нормальный вид.

— Ну да, конечно... — хмуро пробормотала я, вылезая, в конце концов, из своего убежища. — Он-то человек... А я кто?

Как оказалось впоследствии, это была лишь первая веха в череде превращений, которые теперь то и дело происходили со мной. Теперь я старалась как можно больше времени проводить в одиночестве, чтобы случайно не попасться никому на глаза в один из таких периодов. Однако это не помогало.

После той, первой, ночи я стала замечать вещи, на которые раньше, наверное, просто не обращала внимания. Теперь я поняла, что означали настороженные, а порой и испуганные взгляды челяди. Пару раз, случайно оглянувшись, замечала, как служанки за моей спиной истово творят охранные знаки. В замке резко возросло количество носимых серебряных украшений. Несмотря на все меры предосторожности, принятые нашей матерью, слух об «умертвии» расползлся по замку, словно чернильное пятно по воде.

Был, правда, среди всех этих перемен всего один, но положительный момент. Солар, раньше без конца цеплявшаяся ко мне по поводу и без, теперь вдруг успокоилась и даже была со мной довольно-таки вежлива — я бы даже сказала, сочувственна. Похоже, ее не так уж сильно и пугали те перемены, которые со мной происходили. И может быть, мы даже могли бы стать с ней друзьями теперь, если бы не устоявшаяся годами

привычка обходить друг друга стороной.

А вот отец совершенно перестал обращать на меня внимание. Если мы с ним случайно сталкивались в коридоре, он только сухо кивал мне. Он упорно игнорировал меня за обеденным столом. А когда был уверен, что я этого не вижу, я украдкой ловила на себе его хмурый, задумчивый взгляд.

Единственными, чье отношение ко мне не изменилось никоим образом, были наша мать и Лиона, и за это я была им бесконечно благодарна.

* * *

Какое-то время я еще ездила с матерью по окрестным деревням, продолжая осваивать сложное искусство целительства. Это был, пожалуй, единственный раздел магии, который на протяжении всех предыдущих лет обучения вызывал у меня неподдельный интерес, и мама его всячески поддерживала. Помимо приготовления зелий, она сначала поручала мне всякую мелочь — вправить вывих, заговорить больной зуб, призвать к порядку желудочные колики — потом с ее помощью я научилась лечить переломы и залечивать язвы. Мать только одобрительно улыбалась, видя мои успехи. А в последнее время она все чаще предоставляла мне самостоятельно управляться с хворями, оставляя за собой роль

наблюдателя. Местные жители, привыкшие к нашим наездам, не спешили обзаводиться собственными знахарями, с обычной крестьянской хозяйственностью прикинув, что услуги добровольной целительницы-недоучки обойдутся им всяко дешевле содержания приезжего эскулапа, и охотно обращались к нам за помощью.

В тот день мы с матерью отправились в очередной рейд по селениям. После недолгого совещания нами было решено навестить Альбин — живописную деревушку верстах в семи от подножия холма, на котором расположился замок.

Месяц траводар в том году выдался необычайно жарким. Мы спустились вниз по склону, покрытому первой весенней травой. Тут и там, на холмах виднелись небольшие зеленые рощицы, издали похожие на пучки кудрявой петрушки. С задумчивым видом расхаживали по лужайкам отощавшие с зимы козы, бдительно охраняемые серьезными малолетними пастухами. Едва мы въехали на площадь, как подбежал запыхавшийся подросток лет пятнадцати с известием о том, что его невестка вот-вот родит, и поинтересовался, не изволит ли госпожа целительница на нее взглянуть.

Госпожа изволила, предварительно оставив меня на пороге аккуратного домика и не впустив внутрь. В том, что касалось акушерства, мать была

непреклонна. На мои робкие протесты она коротко бросила:

— Успеешь еще, какие твои годы.

И так всегда.

Впрочем, я особо и не настаивала. Стараясь особо не вслушиваться в душераздирающие крики, доносящиеся из окна, я уселась на крыльце и принялась перебирать в своей сумке холщовые мешочки с травяными сборами — так, на всякий случай. Оторвавшись на секунду от своего занятия, я обратила внимание, что сапожник, проходивший чуть дальше по улице, отчего-то очень странно на меня косится.

Я украдкой оглядела себя. Мало ли, может, платье наизнанку надела? Не найдя ничего крамольного, я решила, что под влиянием общей нервозности обстановки мне это просто почудилось, и вернулась к своим травкам. К сожалению, мне пришлось проторчать на этом дворе еще часа полтора. За это время я поймала на себе еще несколько настороженных взглядов, что, естественно, совершенно не прибавило мне хорошего настроения. Наконец, к моему облегчению, пронзительные вопли роженицы сменились не менее пронзительным писком новорожденного, и вскоре на пороге показалась моя мать — немного усталая, но довольная.

— Мальчик, — сообщила она, вытирая

мокрые руки и подходя к лошадям. — Люблю наблюдать за появлением на свет новорожденных.

— Что ж тогда мне не разрешаешь? — скептически поинтересовалась я.

В ответ мама только рассмеялась и потрепала меня по волосам.

Следующим пунктом программы был местный староста с больным зубом. Когда мы вошли в избу, он сидел у стола посреди избы и скорбно подпирал щеку куском льда из ледника, завернутым в льняную тряпицу. При виде моей матери он было просиял, но тут же снова скривился, ухватившись за щеку пятерней. Мама лишь мельком взглянула на причину его страданий и сразу отошла, на ходу кивнув мне:

— Ну давай...

Староста, невысокий лысеющий мужичонка, неожиданно смутился, замялся и неуверенно проблеял:

— А может, эта... ваша светлость, вы сами... того, а? — он умоляюще уставился на мою мать.

— Что такое? — мама недоуменно вскинула брови.

Староста ничего не ответил, однако явственно покрылся багровыми пятнами. Мама истолковала его нервозность по-своему.

— Не волнуйтесь, любезный, — она ободряюще улыбнулась больному. — У моей

дочери обширнейший опыт лечения больных зубов.

— Приступай, — повторила она мне, присаживаясь по другую сторону стола и приготовившись, по обыкновению, наблюдать за моими действиями.

Староста еще немного поколебался, но смирился с неизбежным и с обреченным видом широко раззявил рот.

Я заглянула внутрь.

— Ого, да тут дупло! И большое... Болит, наверное?

Староста утвердительно и жалобно замычал.

— Ну так обезболить его, — распорядилась мать.

Я сосредоточилась, восстанавливая в памяти стандартную формулу обезболивания, но, внезапно передумав, остановилась. Нет, пожалуй, сделаю лучше — сначала обезболю, а потом заращу дупло. На ходу меняя плетение заклинания — а точнее, вплетая одно в другое — я слегка прикрыла глаза и мысленно коснулась больного зуба. Староста вздрогнул. Я завершила формулу и посмотрела на результат. Потом бросила на мать растерянный взгляд и снова посмотрела.

Видя мое замешательство, мама поднялась со своего места и тоже заглянула старосте в рот.

— Ого! — после короткой паузы несколько задумчиво протянула она.

Староста, не понимающий, естественно, о чем речь, в панике закатил глаза. Мы стояли над ним, неподвижные как две статуи, изучая результат моих трудов. Зуб, подвергшийся лечению, выделялся среди остальных, обломанных и пожелтевших от времени, словно золотой гривенник среди медяков. Видя, что старосту вот-вот от ужаса разобьет паралич, мама решила-таки разъяснить ему ситуацию.

— Ну поздравляю, любезный, — проговорила она, еще раз удивленно качнув головой и отходя от стола. — У вас теперь совершенно новый, молодой и здоровый зуб.

— Как ты это сделала? — спросила она после того, как мы вышли на крыльцо. — Ты ведь, можно сказать, вернула его зубу первозданный вид! Хотя, сильно сомневаюсь, чтобы его зубы когда-либо были в таком прекрасном состоянии... Неужели стандартные заклинания на такое способны?

Солнце к этому времени достигло зенита. Наши лошади, неосмотрительно привязанные нами к вкопанному посреди двора столбу, уже отчаялись добраться до спасительной тени и теперь обреченно жарились на солнцепеке. Я подошла к своей Искре и, извиняясь, легонько похлопала ее по морде. Ответом мне был взгляд, полный немой укоризны.

— Хотела бы я знать... — рассеянно

пробормотала я.

Подобного эффекта не ожидал никто, включая старосту. Только последнего, в отличие от нас, полученный результат ничуть не вдохновил. Он то краснел, то бледнел, то покрывался пятнами, осыпая нас не вполне искренними, на мой взгляд, благодарностями — и, похоже, был бесконечно рад, когда мы, наконец, убрались из его дома. Все это произвело на меня довольно нехорошее впечатление. А если добавить к этому еще и замеченные мною ранее косые взгляды... Было такое впечатление, будто он ожидал, что взамен зуба я потребую себе его бессмертную душу.

— По-моему, они знают.

— Что? — Судя по рассеянному взгляду, мать все еще была под впечатлением проделанного мной стоматологического трюка. — Ты о чем?

— По-моему, они знают, что со мной не все в порядке, — повторила я.

— Чепуха! — отмахнулась она. — Откуда им знать? Они — здесь, мы — в замке... И потом, что значит «не все в порядке»? Ты совершенно нормальная девушка — и, при том, необычайно одаренная!

Я только вздохнула. Что толку твердить ей, что шила в мешке не утаишь! Если мама вбила себе что-нибудь в голову, переубедить ее не представлялось возможным. Вот и сейчас, она была

твердо уверена, что со мной все нормально, несмотря на повторяющиеся время от времени трансформации, и все мои попытки убедить ее в обратном не приносили результата. Ее главным контраргументом каждый раз было: «Ты ведь жива и здорова? Значит, все в порядке!»

Пытаясь загладить свою вину перед лошадьми, мы отвели их к крытой коновязи возле трактира, расположенного на главной площади. Там мы обеспечили их водой, кормом и прохладой, а сами устроились за столиком под соломенным навесом с кружками прохладного светлого пива.

— Почему ты перестала брать с собой по деревням Солар? — спросила я.

Мама пожала плечами.

— Она сама не хочет, не заставляй же ее? Лечение людей — дело добровольное. Хотя меня ее поведение некоторым образом удивляет, ведь целительство дается ей весьма легко. Тут вы с ней практически на равных... Хотя ты, безусловно, сильнее.

— Ну хоть в чем-то... — я добродушно усмехнулась, пригубивая терпкий золотистый напиток.

Солар никогда не уделяла учебе много времени. Большинство предметов давалось ей без труда (в отличие от нас с Лионой), остальными же она попросту пренебрегала, ограничиваясь лишь

теми дисциплинами, которые ей особенно нравились и умудрившись довести владение ими до совершенства. Кроме того, она более охотно занималась рукоделием, музыкой — которых мы с Лионой всячески избегали — и, разумеется, собственной внешностью. Этой наукой она тоже овладела в высшей степени.

Рассеянно изучая дно бокала сквозь прозрачную янтарную жидкость, я усмехнулась своим мыслям, покачала головой и продолжила размышлять о Солар.

Что греха таить, втайне я немного завидовала ее талантам, силе и поистине эльфийской красоте — длинным золотистым локонам, янтарным глазам и сияющей белоснежной коже. Ведь даже имя ее, Соларэль, означало «солнце». Благодаря подобной красоте, найти жениха для нее Владыке не составило труда, хотя ни мне, ни Лионе она упорно не говорила, кто этот счастливчик. Лиона же, в свою очередь, на полном серьезе утверждала, что Солар и сама этого не знает — и что, скорее всего, это будет кто-нибудь сказочно богатый и столь же сказочно уродливый. Честно говоря, лично я не удивилась бы, если б Солар стала когда-нибудь украшением королевского дворца при каком-нибудь могущественном монархе — например, в той же империи Палесм или в Руане. Титул королевы ей бы очень подошел.

Нам же с Лионой от матери достались лишь тонкокостное сложение да миндалевидный разрез глаз — остальное было куда более человеческим. Нет, нельзя сказать, чтобы я считала себя уродиной. В принципе, если не ждать слишком многого, я тоже была довольно-таки ничего — чистая гладкая кожа, серые глаза, пепельные волосы. Но... Рядом с Солар любая другая выглядела просто невзрачной мышью. Может потому мне и было так приятно услышать от матери, что существует нечто, в чем я все-таки превосхожу сестру.

— Ну эльфийская кровь в ней весьма сильна, а потому и магия дается ей без труда... — говорила, между тем, мать. Похоже, ее мысли текли где-то недалеко от моих. — Единственное, что меня беспокоит, так это то, что, будучи более эльфийкой, чем вы с Лионой, Солар больше подвержена человеческим страстям.

— И что из того? — удивилась я. — Разве это плохо?

— Как знать, — задумчиво обронила мать. — Как знать... Страсти бывают разные. Тщеславие или зависть никому не станут добрыми помощниками.

— Зависть? — я удивленно пожала плечами, отставляя кружку. — Уж что-что, а завидовать ей в Элдаре точно некому!

Разомлевшие от полуденной жары, мы

решили на сегодня завершить наши труды и вернуться в замок.

По дороге к конюшне, я заметила, что все большее количество народа обращает на меня внимание. Было ли это как-то связано с тем, что пару раз я натыкалась взглядом то тут, то там на физиономию свежеисцеленного старосты, с жаром что-то рассказывающего мрачно внимающим слушателям и время от времени выразительно закатывающего глаза? Мне показалось, или толпа на площади действительно стала значительно плотнее? Большинство адресованных мне взглядов были настороженными и угрюмыми, а некоторые выражали откровенную неприязнь. За своей спиной я услышала сказанные намеренно громким шепотом слова «умертвие» и «нечисть». С каждой секундой я начинала чувствовать себя на людной улице все более и более неуютно. Отвязав Искру, я поторопилась сесть в седло и осторожным шагом направила ее на дорогу, ведущую к замку.

Мы уже почти выехали с площади, когда прилетевший невесть откуда камень с силой ударил меня между лопаток. Я сдавленно охнула. От острой боли на глаза неожиданно навернулись слезы.

— Кто это сделал?! — задохнувшись от ярости, мать на ходу развернула коня и послала его прямо в гущу толпы. Толпа отшатнулась, но страха

особого не выказала, продолжая смотреть хмуро и неприветливо. — Я спрашиваю, *кто это сделал* ?!

Она продолжала понукать лошадь идти вперед, прямо на стоящих перед ней людей, вызывая у бедного животного только недоумение и беспокойство. Откровенно проявить непочтительность к супруге Владыки никто не посмел — люди продолжали хранить молчание, уклоняясь от копыт теснящего их рысака — но взгляды их были по-прежнему прикованы ко мне.

— Давай уедем отсюда, — попросила я маму, чувствуя себя под этими взглядами, мягко говоря, нехорошо. Оставаться здесь дольше становилось откровенно опасно.

Мать еще раз сверкнула глазами на крестьян.

— Ну ладно... вы об этом еще пожалеете! — зловеще пообещала она на прощание и направила свою лошадь следом за мной.

Домой мы ехали в молчании. Подъезжая к замку, мама придержала лошадь и обернулась ко мне.

— Отныне мы никогда не будем ездить в эту проклятую деревню! — решительно сказала она. — Пусть разбираются сами со своими болячками, неблагодарные свиньи... — и добавила к этому несколько слов по-эльфийски.

Я невольно усмехнулась. Вот каждый раз убеждаюсь, что не только в целительстве, но и по

части нецензурной брани эльфы тоже большие мастера. Глядя на ее сердито сдвинутые брови, я живо представила себе, как в данный момент она уже придумывает способ наказать зарвавшуюся чернь со всей присущей ей фантазией. Было видно, что она так же расстроена, как и я. Нет, пожалуй, даже сильнее — подсознательно я давно была внутренне готова к чему-то подобному, хотя физической расправы как-то не предполагала... Но было бы и впрямь глупо ожидать, что нечто, о чем судачит в замке каждый, у кого есть язык, никогда не выйдет за замковые стены. Как и глупо было бы ожидать от крестьян иной реакции.

Это была, пожалуй, одна из основных особенностей Элдара. Маленькое аграрное королевство, расположенное в самом сердце человеческих территорий, было отрезано от всего остального мира огромным пространством, заполненным исключительно знакомыми и понятными *человеческими* понятиями и вещами. Уверена, ни одному из коренных элдарцев ни разу в жизни не доводилось общаться с кем-нибудь из представителей Старших рас. Стоило ли тогда говорить, какое впечатление на них должно производить существо, вообще не поддающееся никакой классификации? И если мой собственный отец с каждым днем относился ко мне все прохладнее и прохладнее, то как я могла ожидать

понимания и сочувствия со стороны совершенно посторонних людей? Их представление об окружающем мире были всего лишь букетом из суеверий, одно страшнее другого, полученным ими в наследство от своих родителей. В их глазах я была теперь нечистью — вроде той, что ворует детей из кроватей или раскапывает могилы на кладбище безлунными ночами. И, как всякую нечисть, меня теперь следовало избегать, а еще лучше — уничтожить.

Мне пришло в голову, что если я буду продолжать свои поездки по селениям, то скоро для нашей целительской деятельности будет катастрофически не хватать времени за бесконечной чередой избиений «умертвия» и наказаний провинившихся. Я рассеянно скользнула взглядом по линии горизонта и, поколебавшись, сказала-таки то, над чем думала всю дорогу до дома.

— Извини, мама, но я думаю, мы больше никуда не будем ездить. Я никуда не буду ездить... Так будет лучше для всех.

На лице матери отразилась растерянность.

— Но... Мирра! — она явно не ожидала от меня подобного малодушия. — Это же всего лишь единичный случай, досадный инцидент! Виновные будут наказаны...

Я упрямо покачала головой.

— Ты же знаешь, мама, у слухов длинные ноги. Я не хочу, чтобы завтра, в другой деревне, такой же камень угодил мне не в спину, а в голову. Прости, но — нет.

Мать посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом. Думаю, она не поверила в мою внезапную трусость, однако, недовольно поджав губы, лишь коротко бросила:

— Что ж, поступай как знаешь.

Я спокойно кивнула.

— И еще... — Мне хотелось закончить обсуждение этой темы до того, как мы вернемся в замок. — Не надо никого наказывать. Ладно?

В ответ мама лишь молча пожала плечами и, ударив каблуками, послала лошадь вперед. Я последовала за ней.

На этом моя карьера целительницы была окончена.

Глава 2. Пленница

Снаружи громко лязгнул засов, и тяжелая дубовая дверь пронзительно и протяжно закрипела, проворачиваясь на давным-давно не смазываемых петлях. Я рассеянно подняла голову от книги, все еще пребывая во власти лихо закрученного сюжета «Рыцарского романа», и попыталась рассмотреть нежданного посетителя.

Но, как ни странно, никого не увидела.

Когда дверь, наконец, распахнулась достаточно широко, на пороге показался здоровенный детина, косая сажень в плечах, неуверенно переминающийся с ноги на ногу. В руках парень мял и теребил и без того выдавшую виды шапку, видимо, не зная, как приступить к такому непростому и опасному делу, как разговор со мной. Я молча наблюдала за его мучениями, совершенно не собираясь облегчать ему задачу.

Пауза ощутимо затягивалась. Я уж было решила вернуться к прерванному чтению, когда бедолага, наконец, запинаясь, выдал из себя:

— Я, это... По делу, значит. Владыка велели передать, что поговорить с вами желают.

Я по-прежнему молча смотрела на него, ожидая продолжения, но, судя по всему, на этом текст послания заканчивался. Тем не менее, детина не уходил, продолжая неловко маячить в дверях. Его безмолвное присутствие начинало меня раздражать.

— Ну так где же он, Владыка-то?

— Так они... того... желают, чтобы вы спустились вниз, — парень сделал неуклюжий приглашающий жест, долженствовавший означать, по-видимому, что спуститься я должна в его сопровождении.

Сказать, что я удивилась, значило не сказать

ничего. Учитывая, сколько времени прошло с тех пор, как мне было дозволено в последний раз переступить порог этой комнаты, я была ошеломлена, озадачена и заинтригована. Что такого могло случиться, что Владыка счел возможным позволить мне покинуть башню, да еще и пожелал лично вести со мной беседу?

Не тратя времени на бесполезные догадки, я отложила книгу в сторону, и, вылезая из уютного, нагретого кресла, кивнула сопровождающему.

— Идем.

Мы спустились вниз по крутой винтовой лестнице, которой в последнее время пользовались все реже и реже. Кое-где ступеньки сильно расшатались, и мой спутник был вынужден помогать мне их преодолеть. Поначалу с опаской подавая мне руку, словно ожидая, что я ее сейчас откушу, со временем парень осмелел — и, скоро уже, не задумываясь, поддерживал меня под локоток на очередных особо шатких ступенях.

Пройдя через неухоженный крытый переход, ведущий к башне, мы оказались на первом этаже жилой части замка. Здесь почти ничего не изменилось. Слуги сновали туда-сюда, с противоположного конца коридора — оттуда, где располагалась кухня — доносились громкие голоса стряпух и звон кастрюль. Неподалеку от нас, с удобством устроившись на широком подоконнике,

две молоденькие горничные самозабвенно обменивались свежими сплетнями. Заметив нас, они резко замолчали и уставились на меня во все глаза. Глядя на их ошарашенные физиономии, я с большим трудом подавила желание завывать или зарычать в ответ — так сказать, для оправдания ожиданий. Но вовремя спохватилась, что за подобную выходку меня могут сразу же, без разговоров, водворить обратно в башню — и я так и не узнаю, что же понадобилось от меня Владыке.

Мой сопровождающий довел меня до дверей библиотеки и, почтительно поклонившись, оставил в одиночестве. Постучав для приличия, я осторожно заглянула внутрь.

— Отец? — негромко позвала я, не вполне уверенная, что такая форма обращения мне еще дозволена. Владыка поднял голову от бумаг и, бросив на меня мимолетный взгляд, рассеянно проговорил:

— Проходи, проходи...

Я бочком скользнула в приоткрытую дверь.

Раньше я частенько бывала здесь. Просиживала вечера на перекладинах вертикальной лесенки, предназначенной для доставания книг с верхних полок, перелистывая приглянувшийся роман, или пряталась за тяжелыми портьерами, в надежде, что дотошный магистр Дьордан забудет и обо мне, и о том задании, которое я, так некстати,

снова забыла выполнить (что, увы, случалось довольно часто). К слову, память у престарелого чародея была ужасная, он никогда ничего не забывал и частенько наказывал меня за разгильдяйство.

Теперь же, снова оказавшись в библиотеке, я с приятным удивлением обнаружила, что здесь практически ничего не изменилось.

— Проходи, — повторил Владыка, по-прежнему не отрывая взгляда от письма, которое держал в руках.

Я приблизилась к столу.

Отец неторопливо отложил бумаги в сторону, и, наконец-то, обратил внимание на меня. Точнее, уставился — со смесью удивления и осуждения. Я попыталась представить себя со стороны — и тут же была вынуждена с ним согласиться.

Всклоченные длинные волосы, заплетенные в небрежную косу, бледная из-за отсутствия света и свежего воздуха физиономия — и, в довершение ансамбля, наряд, состоящий из просторной льняной рубахи и таких же штанов, больше всего смахивающий на робу арестанта. Не удивительно, что горничные так на меня пялились. Обрадовавшись возможности хоть на время покинуть башню, я проделала это с такой скоростью, что даже не успела взглянуть на себя в зеркало, совершенно забыв, что в кресло с книжкой

я перебралась прямиком из постели.

Оторвавшись от созерцания моей живописной фигуры, Владыка забарабанил пальцами по столу, собираясь с мыслями. Молчание затягивалось.

— Эм... Как твои дела? — произнес, наконец, он, явно не зная, с чего начать разговор.

— Чудесно, — не удержалась я от сарказма. — Спасибо, что спросил.

Было даже забавно вести эдакую непринужденную беседу с человеком, продержавшим меня взаперти целых три года и до сих пор общавшимся со мной исключительно с помощью записок.

Еще одна продолжительная пауза.

— Есть одно дело... — медленно, словно подбирая слова, произнес отец. — Дело, требующее твоего участия. Вопрос... э, первостепенной важности.

Я изобразила на лице вежливый интерес. Впрочем, мне и впрямь было любопытно. Сегодняшний день, как ни крути, выпадал из череды скучных серых будней, из которых состояла моя жизнь уже долгое-долгое время.

— Сегодня Элдар посетят гости из одного очень далекого государства... — Казалось, Владыка тщательно взвешивал каждое слово, словно боялся сказать лишнего. — Прибудут во второй половине дня, ближе к вечеру. Мне бы хотелось, чтобы ты

лично присутствовала при нашей встрече и постаралась произвести на них хорошее впечатление... Надеюсь, я могу на тебя рассчитывать?

Чувствуя себя, мягко говоря, весьма удивленной, я, тем не менее, машинально кивнула. Произвести хорошее впечатление? Зачем? И кто эти гости?.. Вопросы роились в моей голове, будто пчелы в улье, и каждый норовил первым вылететь на язык. Я уже собралась задать их вслух, но отец меня опередил.

— Прекрасно! — Звучно хлопнув ладонью по столешнице, он удовлетворенно откинулся на спинку кресла. — Жду тебя в тронном зале через четыре часа. Ступай.

И, еще раз окинув меня внимательным взглядом, он ворчливо добавил:

— И, будь добра, приведи себя в порядок! — после чего сразу же взял в руки следующий документ, недвусмысленно давая понять, что аудиенция закончена.

Обескураженная, я вышла из библиотеки и обнаружила, что за дверью снова околачивается все тот же здоровенный детина, больше похожий на деревенского кузнеца, способного гнуть подковы одной левой, чем на ливрейного лакея. Тихонько подойдя к нему сзади, я громко поинтересовалась:

— Не меня ли ждешь?!

Парень подскочил, с удивительной для его комплекции ловкостью разворачиваясь в прыжке ко мне лицом. Хорошая реакция, невинно похлопала глазами я. Узнав во мне давешнюю знакомую, детина разочаровывающе быстро пришел в себя.

— Вас, — признался он со вздохом, свидетельствующим, что это обстоятельство его не слишком радует. — Пожалуйте за мной.

И, к моему удивлению, повел меня не обратно в башню, а направился к лестнице, ведущей наверх, в жилые комнаты замка.

— Это что же, — с любопытством спросила я, поднимаясь следом за ним по ступеням на второй этаж. — Тебя ко мне приставили в качестве прислуги?

Детина, не сбавляя шага, кивнул.

— Ага, навроде того.

— Ну и кто же ты таков? — Я едва поспевала за его широким шагом, позволяющим легко перешагивать через ступеньку.

— Кузнец я... То есть, бывший кузнец. Из Забродичей... — Похоже, заикаться от испуга он давно перестал.

Я мысленно похвалила себя за проницательность — все-таки и впрямь кузнец! На вид работнику молота и наковальни было лет двадцать-двадцать пять.

Мы пересекли холл и повернули направо.

Теперь я уже начинала догадываться, куда мы идем.

— Неужели никого более подходящего в прислуги не нашлось?

Парень пожал плечами.

— Не-а, никто больше не захотел. Все боятся с умертвием связываться.

Он бросил на меня мельком извиняющийся взгляд, но я и не думала обижаться. Ничего другого я, собственно, и не ожидала, а потому с возрастающим интересом посмотрела на кузнеца.

— А ты, значит, захотел? И не боишься? Или все-таки... — я попыталась представить себе, на какие выгоды можно рассчитывать от общения с «умертвием», коим являлась я в глазах селян, но быстро сдалась.

Для кузнеца же, похоже, ответ был очевиден.

— Так ваш батюшка пообещали тому, кто вам прислуживать согласится, сотню гривенников золотых и лошадь в придачу!

Вот теперь удивилась я.

Нет, ситуация с необходимостью дополнительной оплаты услуг, оказываемых челядью моей скромной особе, совершенно не удивляла. Нежелание прислуги общаться с нечистью уже давно не было для меня новостью. Но — сумма! Да за такие деньги любой крестьянин мог не только дом с пристройками построить, но и стадом коров обзавестись! Это надо же, как отец

расщедрился...

— И что же, за такие-то деньги никто, кроме тебя, не вызвался? — Я, наконец, догнала его и остановилась, переводя дух. Тем более, что мы, похоже, пришли.

Мой спутник отрицательно покачал головой.

— Говорю же, боятся.

— Ух ты!.. — негромко пробормотала я. Даже не верилось, что страх окружающих передо мной был столь велик. Я начинала себя невольно уважать! Однако сам кузнец, глядя сверху вниз на меня, растрепанную и в мятой пижаме, едва достающую ему до плеча, явно начинал сомневаться в целесообразности подобных страхов.

— Ну а ты? — продолжала упрямо допытываться я. — Не боишься умертвию прислуживать? Вдруг я тебя... съем!

Я попыталась изобразить кровожадный оскал, но тут и дураку было ясно, что такую гору мускулистой плоти мне и за месяц не осилить. Кузнец же в ответ окинул меня внимательным взглядом, сунул большие пальцы за пояс и, глядя куда-то поверх моей головы, задумчиво сообщил:

— Прошлой зимой я на медведя-шатуну с простой рогатиной ходил. Один!

Он опустил глаза и снова оценивающе осмотрел меня с головы до ног. Пожалуй, намек был более чем прозрачен.

— Тушэ... — буркнула я, сдаваясь. И нажала на дверную ручку.

Стоя на пороге моей старой спальни, мы еще некоторое время попрепирались с кузнецом о тонкостях его полномочий. В конце концов я затворила за собой дверь, все еще негромко посмеиваясь. Кузнец, к своему неудовольствию, остался снаружи, в пятый раз повторив мне, чтобы "ежели чего", я обращалась к нему за помощью. Честно говоря, было трудновато представить его с расческой в руках, колдующего над моими волосами, или помогающего мне в выборе платья, поэтому я только от души посмеялась над его предложением.

Окинув комнату рассеянным взглядом, я мимоходом отметила, что здесь ничего не изменилось. Все вещи оставались на тех же местах, где я видела их в последний раз — даже расческа, небрежно брошенная мною на подоконнике три года назад, лежала там же. Я взяла ее в руки. На деревянной поверхности подоконника остался четкий след — внутри чисто, снаружи пыль. Я посмотрела на расческу. На ней тоже лежал толстый слой пыли.

«Комната умертвия», — с усмешкой подумала я. Хороший повод для горничных, чтобы отлынивать от уборки. Если бы мама была здесь,

она бы ни за что не допустила подобного разгильдяйства.

Если бы мама была...

Но ее не было — и прислуга вытворяла, что хотела.

* * *

Скандал между родителями назревал уже давно. Конечно, они и раньше иногда ссорились, но это были, так — пустяковые перепалки, без которых, наверное, не обходится ни одна семья. Но после печально известных событий с моим участием количество ссор резко возросло — причем, тема для них теперь всегда была неизменной. Отец обвинял мать в том, что она, мол, слишком увлеклась магией и якшается со всякой нечистью. Под нечистью подразумевалась, вероятно, и я тоже. Мать в свою очередь не оставалась в долгу, обвиняя отца в бессердечии, равнодушии к дочерям, эгоизме и глупой суеверности. Иногда, слушая, как они орут друг на друга, обвиняя во всех мыслимых и немыслимых грехах, я только диву давалась — и как они, вообще, так долго прожили вместе?

Ни для кого, конечно, не являлось секретом, что мои родители не были страстно влюблены друг в друга, вступая в этот брак. Это был Брак

Договора, один из десятков таких же, периодически заключающихся из дипломатических соображений по всему Террану. Подобные браки стали одним из последствий последней войны между людьми и Старшими расами и призваны были служить поддержанию мира между породнившимися народами. Каждый из народов единожды в двадцать лет должен был выбрать нескольких своих представителей и обязать их вступить в брак с кандидатами, предложенными им другими расами. Самой собой, все быстро смекнули, что для них лучше — и вскоре на данной матримониальной ниве выработалась следующая тенденция: эльфийские невесты и разношерстные женихи. В принципе, этот расклад устраивал всех — против эльфийских красавиц не возражал абсолютно никто. Ну а у эльфов отпала проблема, куда пристроить своих многочисленных высокородных принцесс, ведь Браки Договора заключались только между представителями правящих династий.

Вот под такой-то расклад и угодили в свое время оба наших родителя. Одна была типичной представительницей своего народа, то есть гордой и самостоятельной эльфийской чародейкой, а другой — человеком, прежде весьма неодобрительно относившимся не только к инокровным, но и к магии, и к прочим странностям вообще. Тем не менее, долгие годы они прожили бок о бок вполне

мирно — видимо, приспособиваясь и терпя недостатки друг друга... Ну а теперь будто внезапно прорвало плотину, за которой сдерживалось накопленное за многие годы недовольство друг другом.

Страсти достигли апогея к середине лета, то есть примерно через полгода после начала всей этой истории. И катализатором всеобщего скандала стала неожиданная выходка Солар.

В тот день отец взял ее вместе с собой в сокровищницу, где хранилась элдарская казна, а также драгоценности, украшения и некоторые другие раритетные вещицы. Когда у него было хорошее настроение, он иногда приводил нас туда, позволяя вдоволь налюбоваться прекрасными ювелирными изделиями, а иногда даже разрешал взять что-нибудь поносить, на время. Так случилось и в этот раз. Отец был доволен Солар — что, впрочем, случалось с ней гораздо чаще, чем с нами — и по обыкновению, взял ее с собой. Солар давно присмотрела себе там одну необыкновенно красивую брошь. Я бы не удивилась, если бы узнала, что она специально была такой паинькой и угождала отцу, лишь бы только заполучить эту вещицу в свои руки — там, где дело касалось драгоценностей, Солар иногда просто теряла голову. Кроме того, этим утром в замке побывал

торговец тканями, и Владыка разрешил нам всем выбрать себе по отрезу на платья. Мы с Лионой остановили выбор на белом зенбарийском шелке, легком и невесомом как грёза, и довольно быстро ушли со своими покупками к себе, но Солар задержалась. Уже в дверях я мельком обернулась и увидела, что она увлеченно беседует с седоволосым торговцем тканями. Вернее, говорил торговец — перебирал яркие отрезы, демонстрируя их Солар, и что-то проникновенно вещал при этом — а сестра внимала ему, как загипнотизированная...

Я усмехнулась и покачала головой. Солар была неисправима.

Позже, вернувшись с отцом из сокровищницы, она тут же заявила к нам с Лионой, чтобы продемонстрировать свою добычу, но мы обе были чересчур увлечены новой заморской игрой, привезенной нам отцом из последней отлучки. Суть игры состояла в том, чтобы двигать определенным образом резные костяные фигурки по черно-белой клетчатой доске. Правил игры мы обе толком не знали, на ходу придумывали свои, и с азартом покрикивали друг на друга, обвиняя в злостном нарушении очередного свежевывдуманного правила. Не дождавшись от нас положенной порции восторгов по поводу своей расчудесной броши, Солар в сердцах обозвала нас глупыми гусынями и ушла.

Однако через какое-то время она возвратилась, тщательно пряча что-то за спиной, чем сразу же нас ужасно заинтриговала.

— Вот! — проговорила она с заговорщицкой усмешкой, отводя руку из-за спины. — Я подумала, если вас не интересуют драгоценности, то, может быть, заинтересует кое-что другое?

С этими словами она положила прямо поперек игровой доски длинный сверкающий клинок. Естественно, ни о какой игре уже не могло быть и речи.

— Ух, ты! — восхищенно выдохнула Лиона, самая большая ценительница красивого оружия среди нас. — Где ты его взяла?! — она почтительно коснулась пальцами гладкой голубоватой стали.

— Где-где... В сокровищнице, где ж еще? — небрежно пожала плечами Солар.

— Эй! Но почему отец разрешил тебе его взять?! — обиженно воскликнула Лиона. — Мне он сказал, что такие вещи выносить нельзя! — и она недовольно надула губы.

— Тсс-с... Тише ты! — торопливо шикнула на нее Солар. И, оглянувшись на дверь, она наклонилась к нам и взволнованно прошептала. — Отец ничего не знает!

Теперь уже мы обе уставились на нее с нескрываемым удивлением.

— Как же тебе удалось протащить этукую

орясину мимо отца незаметно?

Солар какое-то время колебалась, а потом призналась:

— Сама не знаю. Просто наваждение какое-то нашло... Когда это я раньше на оружие внимание обращала? А это — ну просто не могла мимо пройти! Взяла, к ноге прижала, в юбках запутала — и ходу!.. Нет, вы только посмотрите, какой он красивый!

Мы с Лионой согласно кивнули. Я никогда не была заправским знатоком оружия, но меч действительно производил впечатление. Длинный изящный клинок, рифленая рукоять с короткой кожаной оплеткой у перекрестья. В оголовье алым огнем горел крупный рубин чистейшей воды, ограненный в форме сердца, а вдоль всего лезвия, от рукояти до острия, по гладкой стальной поверхности плелся затейливый рунический узор. Даже непосвященному было ясно, что это не игрушка, вроде той бутафории, что любят цеплять на пояс иные вельможи — это было оружие, созданное для сильной руки и настоящего боя.

— Впечатление такое, будто символы отлили из другого металла, а потом вплавили их в сталь клинка, — заметила я, проводя пальцами по идеально гладкой поверхности меча.

— Мне тоже так кажется, — согласилась со мной Лиона. — Я читала о подобной технике. При

создании подобных надписей применялись довольно сложные заклинания, чтобы срастить металл рун с металлом основы. Ныне секрет подобнойковки почти утрачен — слишком много времени прошло.

— Кажется, это сенсарит... — внимательно изучив руны, заметила Солар и мельком глянула на меня. — Можешь прочесть?

Я всмотрелась в переплетение символов. Манера написания была несколько непривычной, но, похоже, это и впрямь был «язык богов».

— Похоже на название меча. Наверное, его имя.

— Имя меча? — в голосе Солар слышался скепсис.

— Все волшебные и заговоренные мечи имеют собственные имена, — с видом знатока просветила сестру Лиона. — Как правило, имя характеризует предназначение оружия, а значит, дается за конкретные заслуги.

Солар с интересом посмотрела на свою находку.

— Ну и как его... хм, зовут?

— Здесь две руны. Главная — *Смерть* и подчиненная — *Дракон*. Смерть Драконам... Убийца Драконов... — предположила я без особой уверенности. — Ну или что-то в этом роде.

— Драконоборец? — высказала свою версию

Лиона.

Я согласно кивнула.

— Пожалуй, можно и так назвать. Так даже поэтичнее.

Солар снова внимательно осмотрела меч.

— Вы хотите сказать, что вот этой железкой можно убить настоящего живого дракона? — скептически спросила она. — Да он дракону, как булавка! По-моему, камнем по голове и то будет эффективнее, если, конечно, камень взять поувесистее.

Лиона, с удивительной для окружающих страстью изучавшая все, что касалось боевых искусств, покачала головой.

— В любом бою главное — не размер оружия, а умение им пользоваться. Ну и плюс, конечно, чары, предположительно наложенные на клинок.

Солар осторожно взялась за рукоять и прикинула меч на руке. Помахала им медленно туда-сюда. Рубиновое сердце в рукояти кроваво сверкнуло.

— Тяжелая штукавина... — заметила она. — Зато камень просто великолепен!

Даже тут Солар была в своем репертуаре. Нас же с Лионой гораздо больше заинтересовала надпись на клинке.

— Может, бывший владелец меча просто хотел придать себе солидности таким образом, вот

и попросил кузнеца сделать надпись? — Я не слишком-то верила в волшебные свойства меча. — За дополнительную плату?

— В таком случае это должна была быть *очень* высокая дополнительная плата, — уверенно возразила Лиона. — Раз в сорок превышающая стоимость простого клинка. Не думаю, что бы кто-нибудь взялся выполнять такую сложную работу только для того, чтобы потешить чье-то непомерное тщеславие.

Все еще не убежденная, я пожалала плечами.

— Как бы то ни было, проверить мы все равно ничего не сможем. Драконов по близости не водится, а на обычных людей он, скорее всего, и действует, как обычный меч, то есть попросту шинкует в капусту. Так что, заговоренный он или нет, мы вряд ли узнаем.

— Ну почему же? — откликнулась Солар, по-прежнему держа меч в руках. Удерживая клинок вертикально, она запрокинула голову вверх, внимательно разглядывая его острие. — Почему же... — задумчиво повторила она, опуская голову и отстраненно переводя взгляд на меня.

Нехороший такой, тяжелый взгляд. На одно короткое мгновение мне даже показалось, будто кто-то чужой глянул на меня из холодных янтарных глаз, словно из распахнутых окон. Не выпуская меча, Солар медленно повернулась в мою сторону.

Я, ни о чем не догадываясь, все еще продолжала спокойно наблюдать за ней.

— Драконов поблизости, может, и нет, — она холодно улыбнулась, опуская лезвие горизонтально и нацеливая его мне в грудь. — Зато драконья кровь, уж точно, имеется.

— Ты что делаешь, Солар? — внезапно настораживаясь, поинтересовалась Лиона.

Сестра недобро усмехнулась, не сводя с меня прищуренных глаз. Острие меча уже дрожало в опасной близости от моей груди, заставляя меня все сильнее нервничать.

— Просто проверяю... волшебный меч или *нет*! — И, резко выдохнув последнее слово, она неожиданно сделала выпад вперед.

Дальнейшее происходило, словно во сне, растянувшись на один долгий удар сердца. Я смотрела на клинок, приближающийся к моей груди, удивляясь, почему он движется так медленно. А потом вдруг рассердилась на Солар за эту глупую и злую шутку. Даже для нее это было чересчур! В груди запульсировала тупая ноющая боль, разрослась, растекаясь по плечам до самых кончиков пальцев. Словно издавека, я услышала, как Лиона пронзительно взвизгнула: «Солар, прекрати!». Я шагнула назад и инстинктивно выбросила руку, желая отвести удар в сторону. Моя ладонь попала по клинку плашмя, меч вырвался из

рук Солар — и, со свистом описав дугу в воздухе, скрылся под столом. В ту же секунду Солар взвыла и отшатнулась прочь. В воздухе на мгновение зависла россыпь мелких рубиново-красных капель...

Это мгновенно отрезвило меня. Я отскочила назад, не заметив стоящего позади меня стула. Не удержав равновесия, грохнулась на пол, перелетев через него, и ударилась затылком о стену. В глазах на мгновение потемнело, но я ухитрилась почти сразу же сесть, приняв вертикальное положение. Лиона снова заголосила. На ее вопли уже начали сбегаться слуги, а следом за ними подоспели и отец с матерью. Картина, представшая их глазам, была, наверное, весьма впечатляющей. Лиона стояла посреди комнаты, замахиваясь непонятно на кого из нас клетчатой игровой доской. Костяные фигурки разлетелись по всей комнате. Солар с воплем и подвыванием хваталась за лицо, на котором красовалась жуткая кровоточащая рана. И я — на полу, рядом с опрокинутым стулом, со спрятанными за спину руками, чтобы скрыть втягивающиеся назад когти. И когда только успели вырасти?

Отец выслушал сначала пострадавших, то есть Солар, потом очевидцев. Двое крепких слуг по его приказу подхватили меня под руки и отволокли в башню — в пустую, захламленную комнату на

самом верху, которой давным-давно никто не пользовался. Какое-то время я сидела там в полном одиночестве, растерянная и недоумевающая, а потом появился отец. Он мрачно оглядел меня и, нахмурившись, заявил, что обстановка в замке, похоже, накалилась до предела, а посему отныне я буду жить в башне, и мне строжайше запрещается ее покидать без его на то особого разрешения.

Когда появились слуги с моими вещами, с кроватью, столом и прочей мебелью, я, наконец, осознала серьезность происходящего. Я превратилась в узницу в замке, в котором выросла с самого детства. Комнату обустроили, и даже привели в порядок камин, которым никто не пользовался еще со времен моего прадеда. Потом слуги ушли, и я осталась одна.

Ближе к полуночи ко мне заглянула Лиона. Она проскользнула в двери, в шелковом халате поверх ночной сорочки, и присела на край кровати.

— Ну как ты? — сочувственно спросила она меня.

— Как видишь... — Я уныло обвела комнату взглядом. — Теперь, похоже, я буду жить здесь.

— Знаю, — сестра сокрушенно покачала головой, и тут же добавила: — Ты не думай, я им все рассказала, как было!

— А как было?

Если Лиона и удивилась вопросу, то виду не

подала и послушно пересказала свою версию событий. В принципе, в главных моментах с моей она совпадала. Солар набросилась на меня с мечом, я его выбила — ну и случайно при этом задела ее по лицу рукой. Точнее, лапой.

— В порядке самозащиты, конечно же, — убежденно добавила она.

Я рассеянно кивнула, думая о том, что как ни старайся, а вряд ли кто-нибудь в замке решит, что виновата Солар, а не я, дикая тварь из дикого леса. Пострадавшей-то, в конце концов, оказалась именно она. Неудивительно, что меня здесь заперли.

— Хорошо, что у тебя такая быстрая реакция, — заметила Лиона. — А то было бы в тебе сейчас на одну дыру больше... А у меня — на одну сестру меньше.

— А что с Солар? — осторожно поинтересовалась я.

Солар, как выяснилось, тоже не поздоровилось — она получила хороший нагоняй за украденный меч, после чего отец потребовал у нее вернуть назад в Сокровищницу и меч, и брошь, пообещав при этом, что ноги ее впредь там не будет. Кроме того, было решено поторопиться со свадьбой, назначенной на позднюю осень, и сыграть ее на пару месяцев раньше, не взирая на слухи, которые может породить подобная спешка.

А до этого времени ей было тоже запрещено покидать свою комнату.

— Ты бы видела ее физиономию! — Лиона мстительно ухмыльнулась. — Жаль, что мама все-таки залечила ее царапины. Пусть бы жених на нее такую полюбовался.

— Что, я так сильно ее задела?

— О, да! — нашу младшую сестренку это обстоятельство, похоже, совершенно не печалило. — Здоровая такая борозда осталась! Просто атаман разбойников, а не принцесса!

Я представила себе, что сейчас думает Солар обо мне, сотворившей такое с ее прекрасным личиком. Какое счастье, что мне запрещено выходить из башни, а то она бы меня теперь обязательно прикончила.

— Пожалуйста, передай ей, что я сожалею...

— А вот и зря! Так ей и надо, — безапелляционно заявила Лиона. — Она первая начала!

Причем, абсолютно неожиданно, мысленно добавила я. Неужели все ее спокойствие до этого момента объяснялось лишь вынашиванием планов, как бы, наконец, избавиться от меня окончательно? Просто в голове не укладывается...

— А почему мама ко мне не заглянула? — сменила я тему. — Она что, на меня сердится?

— Сердится, — вздохнула Лиона. — Вот

только не на тебя, а на отца.

Оказалось, что мама, возмущенная решением отца заточить меня в башню, словно преступницу, жутко с ним рассорилась и, не желая разговаривать, заперлась в своей спальне. Я представила себе возникшую ситуацию — каждый сидит под замком в своей комнате, и никто ни с кем не разговаривает — и покачала головой. Да уж, замок, можно сказать, на чрезвычайном положении.

Мы еще немного поболтали, пока Лиона не начала отчаянно зевать.

— Шла бы ты спать, — со вздохом заметила я, в очередной раз изучая ее розовое, как у котенка, нёбо.

— Ага... — сонно пробормотала сестра, нехотя слезая с моей кровати.

Уже в дверях она обернулась и, с видимым сожалением, сказала:

— А Драконоборец-то, видать, все-таки липовый оказался. Ты как думаешь?

— Ох, Лиона... Спокойной ночи! — только и смогла ответить я.

Она ушла, а я еще долго не могла уснуть. Кое-что во всей этой истории всерьез беспокоило меня, не давая забыться сном. Я снова и снова прокручивала в голове события сегодняшнего дня, вспоминая безумную выходку Солар, собственный гнев на нее и последовавшую за этим мгновенную

трансформацию... Было ли это совпадением, попыткой самозащиты, или я действительно стала опасной для окружающих? Голова моя раскалывалась от одолевавших меня вопросов. Если трансформация стала реакцией на гнев, смогу ли я контролировать себя в следующий раз? И если нет, то не лучше ли мне и впрямь оставаться в этой башне до конца своих дней?..

В какой-то момент я почти пожалела, что Солар меня не убила.

С тех пор я стала жить в башне. Не могу сказать, что там было плохо. Трижды в день мне приносили еду с королевской кухни, каждую неделю снабжали новой порцией книг из библиотеки. Время от времени, нарушая запрет Владыки, меня навещали Лиона и мать. Но, не смотря на это, башня не переставала быть для меня тюрьмой. Весь мир сузился для меня до размеров просторного каменного мешка, в котором я сидела день и ночь. Время от времени меня охватывала горькая тоска из-за того, что свои лучшие годы я должна провести в этом проклятом узилище, лишённая общества сверстников и привычных развлечений. Дни шли за днями, недели за неделями. Я училась жить в одиночестве и полностью себя обслуживать без посторонней помощи, так как слуги наотрез отказывались

заходить ко мне в башню, оставляя еду у порога комнаты, когда я этого не видела. Но если научиться заплетать косу или застегивать бесчисленные крючки и пуговички на платье оказалось не так уж и сложно, то занять себя чем-то бесконечно долгими днями и вечерами — куда сложнее.

Поначалу-то я даже обрадовалась — у меня, наконец, появилось время заняться вплотную теми разделами магии, до которых раньше из-за целительской практики никак руки не доходили. Правда, радость моя длилась недолго. По непонятной причине большинство заклинаний не хотело теперь работать так, как им было предписано. То есть не то чтобы они совсем не работали — просто результат получался примерно такой же, как со старостиным зубом. Я бы сказала, что они работали *по-другому*, и... ну, немного чересчур.

Все это было достаточно неприятно. Магия, которая до этого казалась неотъемлемой частью моей жизни, неожиданно стала показывать характер и проявлять самостоятельность. Словно, протянув руку, чтобы погладить любимую кошечку, я вдруг обнаружила на ее месте незнакомую и весьма сердитую рысь. Это действовало на нервы. Я засела за книги, не переставая при этом заново учиться управлять своими способностями. Однако

дальнейшее мое продвижение на стезе учения было безжалостно пресечено Владыкой, нагрянувшим ко мне в башню с визитом. Глядя на развороченную в результате не слишком удачного эксперимента несущую стену, открывающую теперь отличный вид на долину внизу (над стеной, к тому времени, всюду трудились каменщики), он непререкаемо запретил мне применять магию в стенах замка. А потом — я даже и не заметила, как это случилось — из моей комнаты постепенно исчезла вся литература по магии. Некоторое время я еще занималась тем, что восстанавливала заклинания по памяти — и со временем, путем проб и ошибок, доводила владение ими до совершенства. Однако вскоре я обнаружила, что во многих случаях мне теперь проще обходиться и вовсе без заклинаний, попросту манипулируя потоками сырой природной энергии. Это было довольно интересно, но в моей ситуации практически так же мало радовало, как и все остальное.

Кстати, проблемы с чародейством были отнюдь не единственным интересным открытием за время моего принудительного затворничества. Я обнаружила — причем, совершенно случайно, — что могу не только сдерживать собственные трансформации, но и понемногу управлять ими. Какое-то время я развлекала на досуге Лиону, то изменяя форму конечностей, то отращая себе

длинные трехгранные клыки вместо зубов. Потом ей это постепенно наскучило, и представления прекратились.

И, тем не менее, оставаясь в одиночестве, я время от времени продолжала настойчивые попытки сменить свой природный облик на тот, который отныне превратил меня в чудовище в глазах окружающих. Причем, с каждым разом я продвигалась в своих превращениях все дальше и дальше. Зачем? Сама не знаю. Иногда я ловила себя на мысли, что это уже стало для меня насущной необходимостью. Казалось, что без этого я просто не смогу жить. Может, так проявлялась моя вторая сущность? Не случится ли однажды так, что она полностью вытеснит меня нынешнюю — и эльфийская полукровка канет в вечность, уступив место неведомому созданию в бронированной чешуе?

Не знаю...

Я надеялась, что мне хотя бы позволят присутствовать на свадьбе Солар, но этого не случилось. Правда, уже вечером, после окончания свадебного пира, ко мне тайком пробралась Лиона и во всех подробностях расписала церемонию бракосочетания, не забыв упомянуть о том, что жених Солар достался незаслуженно симпатичный.

— Ты знаешь... — она внезапно

посерьезнела. — Завтра Солар уезжает в дом своего мужа, и наша мама едет вместе с ней. Она говорит, что это только до тех пор, пока Солар не привыкнет к новому окружению, но я думаю... Я думаю, она не вернется.

— Ну что ты? Конечно же, вернется! — бодро заверила я ее, в глубине души подозревая, что Лиона, возможно, права. Отношения между родителями — по крайней мере, насколько я могла судить по рассказам Лионы — разладились окончательно, и обстановка в замке царила весьма напряженная.

На следующий день мать пришла ко мне попрощаться. Сначала мы пытались просто вести светскую беседу на тему давешнего торжества, но поскольку обе думали о другом, в разговоре то и дело возникали продолжительные паузы.

— Ты же знаешь, как бы мне хотелось забрать тебя отсюда! — в конце концов не выдержала мать. — Но я не могу...

— Знаю, — согласилась я. Да уж, вряд ли новоиспеченный супруг будет счастлив получить в нагрузку к жене кроме тещи еще и такую родственницу, как я!

Мама посмотрела на меня с плохо скрытой тревогой.

— Как ты тут без меня, справишься?

Я как можно беззаботнее пожала плечами,

стараясь не казаться слишком уж расстроенной. Незачем усложнять ей отъезд, если она все равно для себя все решила.

— Не волнуйся за меня. Пока я сижу в этих стенах, мне ничего не грозит... Кроме скуки, конечно.

В глазах матери мелькнуло какое-то странное выражение. Она ласково потрепала меня по щеке.

— Знаешь, для своих лет ты очень умная девушка. Я тобой горжусь.

Мы еще немного поболтали о разных пустяках, лишь бы только не говорить «прощай», но потом пришло время расставаться. Уже на пороге мама обернулась.

— Да, кстати, Мирра. Ты помнишь мой старый сборник заклятий, Октрион?

Я молча утвердительно кивнула. Еще бы я его не помнила, если раньше мне частенько влетало за то, что я то и дело без спросу пыталась им воспользоваться!

— Я оставляю его здесь — для тебя. Отец отдаст его тебе, когда придет время, — мать улыбнулась, глядя на меня. — Мне почему-то кажется, что однажды он тебе пригодится.

И с этими словами она ушла. А я вдруг испугалась. Мне на мгновение показалось, что я больше никогда ее не увижу.

С тех пор прошло два года.

Дни текли, один за другим, серые, монотонные, похожие друг на друга, словно песчинки в песочных часах. Я пыталась развлечь себя, как могла: читала, вышивала, пела, и даже... вязала! Одно время, отчаявшись хоть чем-то скрасить свое существование, я даже пыталась сознательно впасть в летаргический сон, однако у меня ничего не вышло.

А потом по деревням прокатился мор, и часть коров передохла. В народе прокатился слух, будто королевская дочка-умертвий по ночам, хлопая крыльями, аки нетопырь, летает над селениями и до смерти пугает скотину. Не долго думая, Владыка приказал заколотить окна башни деревянными щитами. Теперь солнечный свет попадал внутрь только через узкие щелки между досками. Комната погрузилась в вечный сумрак. Время от времени туда же пыталось улизнуть и мое сознание. Иногда мне казалось, что у меня начинаются галлюцинации — сквозь каменные стены башни я видела долину Элдар, зеленые холмы, закатное небо, переливающееся всеми цветами радуги, парящих над долиной птиц, крохотные фигурки людей вдалеке.

Вскоре я забросила делать прически и наряжаться в платья, и почти все время ходила в пижаме. Какая разница, если меня никто не видит?

Лиона, видя это, укоризненно качала головой, но я лишь вяло отмахивалась от нее. Какое-то время я еще надеялась, что мне в конце концов позволят покинуть башню, но отец не спешил с подобным разрешением.

Вплоть до сегодняшнего дня.

* * *

Я еще немного постояла у окна, удивляясь ясному погожему дню после ночного ненастья, а потом вспомнила, что в моем распоряжении всего три часа — вернее, уже меньше. Надо бы действительно привести себя в порядок.

На кровати, к своему удивлению, я обнаружила аккуратно разложенное белое шелковое платье, расшитое серебряным бисером, причем, явно моего размера. Похоже, к сегодняшнему мероприятию отец готовился заранее. Что-то здесь нечисто, подозрительно подумала я. И откуда он мог знать, что я соглашусь ему помогать? Хотя тут-то, как раз, все понятно. Он прекрасно понимал, что я воспользуюсь любой возможностью, чтобы хоть на время сменить обстановку.

Я выглянула в коридор и нашла взглядом кузнеца.

— Эй, ты... Можешь организовать мне

горячую ванну прямо сейчас?

Кузнец понятливо ухмыльнулся:

— Не вопрос! — и сразу ушел.

Я вернулась в комнату.

Минут через десять дверь отворилась — и в комнату, один за другим, стали входить хмурые и недовольные слуги с ведрами воды, от которой валил пар. Позади шел кузнец, подгоняя самых нерасторопных тычками и затрещинами. На плече, без видимых усилий, он нес здоровенную деревянную лохань. Да, парень честно старается отработать свои сто золотых, с иронией подумала я. Прислуга приготовила мне ванну и сразу же испарилась. А вот кузнец задержался.

— Спинку потереть не надо?

Не утруждаясь ответом, я выразительно посмотрела на него поверх пара, поднимающегося над лоханью.

— Ладно, понял, не дурак! — Совершенно не расстроившись, он потопал к выходу.

Уже в дверях я окликнула его.

— Эй! Кузнец!

Он остановился.

— А как звать-то тебя?

— Да как все зовут, — добродушно ухмыльнулся детина с порога. — Йаном.

— Йан... — повторила я, глядя, как за ним закрывается дверь. — Я запомню.

Четверть часа спустя — когда я, расслабившись, лежала в ванной — дверь за моей спиной снова тихонько скрипнула. Не открывая глаз, я сказала:

— Проваливай, Йан... Я же сказала — помощь мне не нужна.

— Ого, уже Йан? Быстро вы поладили! — звонкий от смеха девичий голосок мгновенно вырвал меня из дремы. — Это тот верзила, что слоняется у тебя перед дверью?

— Он самый, — я приветливо улыбнулась сестре и начала неторопливо намыливать мочалку. — Услужливый парень, ничего не скажешь... Привет, милая.

Лиона осторожно присела на край лохани, все еще продолжая улыбаться.

— И тебе привет, сестренка! Я и не знала до последней минуты, что тебя выпустили из клетки, — и она с забавным изумлением вскинула брови.

— Это не надолго. Отцу что-то от меня понадобилось.

— Да я так и поняла... — она рассеянно покачала ногой. — Интересно, что ему нужно? Минут десять назад он вызвал меня к себе, сказал, что ты в своей старой комнате, и попросил помочь тебе переодеться.

— Да, — я кивнула на платье. — Ты это видела?

Лиона подошла к кровати и критически оглядела обновку.

— Так-так... — многозначительно протянула она. — Теперь понятно, почему у нашей портнихи сегодня глаза красные — небось, всю ночь дошивала, торопилась. Интересно, с какой стати отец решил тебя приодеть?

И она задумчиво прищурилась. Однако тут же снова распахнула глаза, осененная какой-то догадкой.

— Мирра!.. Может, он тебе жениха подыскал?!

Я выронила мочалку, но потом, опомнившись, выловила ее обратно и как можно небрежнее фыркнула.

— С ума сошла?! Кому такая жена нужна?

Сестра пожала плечами.

— Ну мало ли... Например тому, кому забыли рассказать о некоторых ее... особенностях. Тем более, что ты уже вполне научилась себя контролировать.

Я обеспокоенно нахмурилась. Это звучало достаточно реалистично.

— Что-то я не припомню, чтобы говорила об этом отцу... А ты?

Лиона отрицательно покачала головой.

— Вот и славно... — У меня вырвался вздох облегчения. — Нет, думаю, тут дело в другом. Отец говорил о каких-то иностранных гостях. О деле, требующем моего участия... Хотя, что это за дело, ума не приложу. Отец на дипломатии медведя съел, а я в этом совершенно ничего не смыслю.

— А может, на этот раз и не нужно тонких дипломатических решений? — Лиона лукаво улыбнулась. — Если это, к примеру, соседи с территориальными претензиями, то возможно, лучшим выходом будет, как раз, продемонстрировать им королевские клыки и когти? В буквальном смысле. Чтобы они раз и навсегда отстали.

— Думаешь, отец хочет кого-то припугнуть с моей помощью?

Такая версия показалась мне правдоподобной.

— Я просто строю догадки, — Лиона пожала плечами. — Кто знает, как обстоят дела на самом деле?

Глава 3. Сделка

Войдя через два часа в тронный зал, залитый ярким солнечным светом, я на мгновение сощурилась. Потом глаза привыкли и стали различать отдельные детали интерьера: стены задрапированные синим бархатом, богато расшитые

гобелены в простенках между высокими стрельчатыми окнами, и стоящий на возвышении у дальней стены старинный, потускневший от времени трон. На троне я отца не обнаружила, зато он нашелся в дальнем углу зала — у окна, наполовину скрытого тяжелой бархатной портьерой. Вид у него был задумчивый и не слишком жизнерадостный.

Заслышав мои шаги, Владыка обернулся — и, оглядев меня с ног до головы, украшенной замысловатой прической в исполнении Лионы, одобрительно кивнул.

— Хорошо. Ты вовремя.

— А где все? — я оглянулась. Как ни странно, кроме нас, в зале больше никого не было.

— Скоро придут, — невозмутимо ответил отец. И направился к трону.

Вообще-то я имела в виду отсутствие целой кучи людей, которые, как я помнила, обычно присутствовали на всех официальных приемах, но переспрашивать не стала. В конце концов, он — Владыка, ему лучше знать, кому какой прием оказывать. Отец, между тем, неспешно поднялся по ступенькам и занял привычное место на троне. Я устроилась на ступенях немного ниже. Общих тем для разговоров у нас не было, поэтому каждый коротал время, думая о своем.

Потом вдруг отец еле слышно произнес

одними губами:

— Вот они!.. — и царственно выпрямился на троне.

Я поднялась со ступеней.

В дверях показалась группа из трех человек. Один шел впереди, двое других — чуть приотстав. Одеты были неброско, в обычную дорожную одежду, на головах красовались широкополые шляпы, по большей части затеняющие лица. Подойдя ближе, послы обнажили головы и учтиво поклонились.

Мать моя, эльфийка! Не удержавшись, я приглушенно ахнула. Высокий седовласый мужчина, шедший впереди — видимо, главный среди них — тут же бросил на меня цепкий внимательный взгляд из-под ресниц. Я поспешно взяла себя в руки и отвела глаза.

Дарги! Вот уж кого никак не ожидала увидеть в Элдаре! Неудивительно, что Владыке потребовалось для спокойствия мое присутствие — сам-то он вообще на дух не переносит инокровных. Дарги же, будучи представителями одной из Старших рас, имели к тому же не слишком хорошую репутацию, что было неудивительно при некоторых их... биологических особенностях. Говоря простым человеческим языком — дарги были самыми настоящими *оборотнями*.

Я заметила, что седовласый снова

внимательно смотрит на меня. Наши взгляды на мгновение встретились, он отвел глаза, а я сделала вид, будто у меня расстегнулась пуговка на манжете и принялась сосредоточенно изучать собственный рукав. Выглядело это, наверное, немного малодушно с моей стороны, однако этот незнакомец неожиданно вызвал во мне какое-то совершенно непонятное беспокойство, как ни странно, не связанное с обычным страхом. Дарг между тем спокойно отвернулся и заговорил с моим отцом, и его низкий звучный голос эхом раскатился по пустому залу. В смысл слов я не вникала. Политические вопросы никогда не заботили меня настолько, чтобы проявить к ним хоть малейший интерес — ну а если бы вдруг понадобилось мое участие, уверена, отец дал бы мне знать. Пока оборотни обменивались приветствиями с Владыкой, я украдкой снова принялась разглядывать их. Все трое были высокие, статные и худощавые, так и подмывало сказать, поджарые как волки. Над темными бровями — остроконечная линия роста волос, мысом спускающаяся почти до середины высокого лба. Волосы зачесаны назад, открывая заметно заостренные уши... У них ведь еще и клыки должны быть? Я с трудом отвела взгляд от губ что-то говорящего в этот момент седовласого оборотня, подавив желание заглянуть туда повнимательней. Ох, Мирра, взрослая ведь

уже девочка...

В остальном же это были вполне обычные, серьезные, спокойные лица. В шляпах их, пожалуй, вообще нельзя было отличить от людей. Зато без шляп невозможно было с людьми спутать.

Те скудные сведения, которые были известны мне о даргах — почерпнутые, главным образом, из старых книг, а кое-где и просто из разговоров, — были весьма немногочисленны и порой даже противоречивы. Известно было, что владения их находятся в местности, граничащей с восточным рубежом Палесмианской Империи, и на официальных имперских картах обозначенной не иначе, как Проклятые Земли. Молва же твердила, что простым смертным в эти земли хода нет, потому как расположены они по ту сторону Темных Врат, прямо неподалеку от Огненной Бездны. Так же молва сообщала, будто живут они не в городах и деревнях, а в глубоких гниющих ущельях, в смрадных пещерах и в других местах, столь же мало пригодных для обитания. Однако учебники утверждали, что подобно другим цивилизованным расам, у даргов были налажены довольно обширные торговые и дипломатические связи, что давало повод предположить, что место их обитания находится все-таки где-то в нашей системе координат. Хотя добраться туда, похоже, и впрямь было трудно. Кроме того, утверждала народная

молва, представители этой расы имели целую кучу всевозможных мрачных, зловещих и совершенно невероятных обрядов, так или иначе связанных с полнолунием, и почитали юных девственниц отнюдь не в качестве оплота добродетели, а исключительно в качестве изысканного деликатеса. Справедливости ради следует заметить, что в книгах никогда ни о чем подобном не упоминалось. Тем не менее, записной оптимисткой я никогда не была, считала, что дыма без огня не бывает, а потому на гостей поглядывала с изрядной долей здорового недоверия.

Мое внимание снова сосредоточилось на стоящем впереди оборотне, который ранее смотрел на меня с таким интересом — надеюсь, не гастрономическим. Видимо, он был здесь за главного. Сейчас, разглядывая его вблизи, я вдруг с удивлением поняла, что невероятно ошиблась. Введший меня в заблуждение необычный цвет его волос никак не мог быть сединой. Слишком молодым для этого было лицо, которое эти волосы обрамляли. В конце концов, поразмыслив, я решила, что оборотню не больше двадцати пяти — ну максимум двадцати шести лет. Отвлечшись на время от этого самого лица, я снова принялась рассматривать его шевелюру. Волосы гладкие, густые, шелковистые, дымчато-серые с серебристой искрой, словно сизый дым над пепелищем. Такой

цвет точно не встретишь у людей. Под стать волосам были и глаза дарга — мой взгляд снова вернулся к его лицу — глубокие, серебристо-серые, под темными взлет иронично изогнутыми бровями.

Я все еще рассеянно изучала внешность дарга, когда неожиданно поймала себя на мысли, что никогда прежде не встречала у людей столь классически правильных и при этом столь выразительных черт лица. В свои шестнадцать лет, еще до заточения, я уже начинала понемногу выходить в свет и несколько раз сопровождала отца в различных дипломатических поездках. Там, на приемах, я увидела немало молодых дворян, так что мне определенно было с чем сравнить. Казалось, природа немало потрудились, создавая это лицо таким совершенным и при этом напрочь лишенным обычной скульптурно-мраморной холодности, так часто присущей красивым лицам. Это было довольно странно, если принять во внимание, кем был обладатель этого ангельского лика. Размышляя подобным образом, я рассматривала оборотня с холодным интересом исследователя — без малейшего смущения или волнения, какого можно было бы ожидать от девятнадцатилетней девушки при виде молодого и красивого мужчины.

Потом я переключила свое внимание на

других даргов. Его спутники, как я заметила, не могли похвастать столь же необычной серебристой мастью — у одного волосы были светло-русые, у второго, пониже ростом, с заметной рыжиной. Старшему из оборотней, русоволосому, на вид было около тридцати-тридцати пяти, а младшему, рыжему, наверное, не было и двадцати. Оба дарга тоже казались внешне достаточно привлекательными, каждый на свой лад.

Да, Мирра, долгое затворничество не идет тебе на пользу, мрачно подытожила я. За неимением подходящей человеческой компании тебе уже и оборотни симпатичными кажутся. Плохой признак...

— Итак, к делу, — произнес в этот момент Владыка. — Это и есть моя дочь, Мирраэль.

Взгляды всех присутствующих разом обратились ко мне. Поборов удивление от столь неожиданного интереса к моей персоне, я торопливо придала лицу выражение вежливого внимания. Сереброволосый оборотень, глядя на меня, коротко склонил голову в знак приветствия. Двое его спутников сделали то же самое.

— Мирраэль Дэйнива Элдарская? — У даргианского посла оказался на редкость приятный, низкий, бархатистый голос, проникающий, казалось, прямо в душу. Я почувствовала, как при звуках этого голоса по спине у меня словно

поползли мурашки, и медленно кивнула, удивленно приподняв брови. То, что он знал мое полное имя — и надо заметить, крайне редко используемое в быту — было немного странно, учитывая, что отец в разговоре (в этом я была совершенно уверена) ни разу его не упоминал. Оборотень, между тем, с интересом разглядывал мое лицо, слегка прикрыв ресницами внимательные серебристо-серые глаза. Словно мы с ним вдруг поменялись ролями, и теперь уже он изучал меня. У меня тут же возникло настойчивое желание немедленно отвлечь его от этого занятия.

— Чем могу быть полезна? — вежливо, но настойчиво осведомилась я, желая заставить его оторваться от задумчивого изучения моего лица.

Сереброволосый неожиданно доброжелательно улыбнулся.

— Ваше высочество, мы здесь, чтобы сопровождать вас в Сорбронн... — Его глаза по-прежнему продолжали наблюдать за мной, и теперь, видя мое удивление, задумчиво сузились. — Полагаю, вам об этом известно?

— Прошу прощения? — Мои брови удивленно поползли вверх. Нет, наверное, я просто ослышалась!

— Мы прибыли сюда, чтобы предложить вам должность придворного мага в долине Сорбронн, — так же спокойно ответил он. — Вы

ведь чародейка, насколько нам известно?

Голос дарга по-прежнему звучал довольно странно. Глубокий, выразительный, с едва заметными низкими вибрирующими модуляциями, он, казалось, вкрадчивым золотистым туманом обволакивал мое сознание. Я трянула головой, решительно отгоняя странное гипнотическое наваждение.

— Да, пожалуй... В некоторой степени.

— Мы надеялись, что ваш батюшка заранее предупредит вас о нашем визите, — мягко продолжал оборотень, все еще обращаясь исключительно ко мне и не выказывая никакого неудовольствия в сторону Владыки. — Чтобы у вас была возможность подготовиться и собраться. Но, раз это не так, теперь вам придется поторопиться. К сожалению, мы немного ограничены во времени.

Я, наконец, полностью пришла в себя — и ошарашено уставилась на него как на сумасшедшего. Должность? Мне?!

Было легко усомниться в здравом уме монарха, который отправляет своих подданных за тридевять земель, чтобы пригласить на должность чародейку-недоучку, являющуюся отпрыском другого правителя. Он что думает, мне больше всех на континенте нужна работа на жаловании? Или в Коббе-Ренвине сейчас настолько плохо с магами, что они решили «по сусекам поскрести»?

— Боюсь, здесь какая-то ошибка... — я медленно покачала головой, давая понять, что это и есть мой ответ на «заманчивое» предложение.

Даргианский посланник, однако, не обратил на мой жест никакого внимания, продолжая смотреть спокойно и выжидательно. Словно был абсолютно уверен, что я сейчас же пойду собираться. Некоторое время мы молча и неподвижно смотрели друг на друга, словно состязаясь в какой-то нелепой безмолвной дуэли — и тут внезапно меня осенило. Я медленно, словно во сне, повернулась к отцу. Не дрогнув ни единым мускулом на лице, тот твердо встретил мой взгляд. Я впиалась взглядом в его лицо, с ужасом читая на нем подтверждение собственной догадки и сознавая, что вынесенный мне приговор обжалованию не подлежит. По-прежнему не отрывая взгляда от моего лица, отец молча склонил голову в едва заметном кивке.

Вот оно что! Оказывается, мой драгоценный батюшка уже обо всем договорился за моей спиной, радуясь, что появилась, наконец, чудесная возможность сбить меня с рук — и подальше. Вот к чему был весь этот спектакль с выходом из башни. Все было решено заранее! Возражать и сопротивляться теперь попросту не имело смысла — этим можно было добиться лишь того, что из замка меня увезут связанной и упакованной, словно

овцу на ярмарку.

Я неожиданно вздрогнула, будто от холода. Человек, сидящий передо мной на троне, показался мне вдруг совершенно чужим и незнакомым. Ощущение было настолько острым, что меня даже охватила дрожь. А я-то, дурочка, надеялась, что он со временем успокоится и снова станет нормально ко мне относиться. Какая наивность!.. Под моим взглядом отец немного изменился в лице. Я чувствовала, как волна обиды и гнева поднимается во мне, раскаленной лавой растекаясь по нервам и заставляя руки покрываться гусиной кожей. В моей голове одновременно проносились десятки яростных обвинений в его адрес, но еще больше в этот момент мне захотелось просто испепелить его на месте. Кончики пальцев уже начинало ощутимо покалывать, и мне казалось, еще минута — и гнев попросту захлестнет меня с головой. Нет, только не трансформация... Только не сейчас!..

Это немного остудило мою ярость. Краем глаза я заметила, что оборотень по-прежнему пристально и немного напряженно наблюдает за мной. Нет уж, истерики он от меня не дождется! С огромным трудом мне удалось отвернуться от Владыки и усилием воли взять себя в руки. Гнев постепенно утихал, утихал, пока не исчез совсем, оставив после себя только тупую ноющую боль где-то в области груди. Не знаю, сколько времени

прошло, пока я смогла, наконец, справиться со своим лицом и дыханием, после чего медленно повернулась к остальным. Обратни по-прежнему терпеливо ожидали моего ответа — пусть и чисто формального — однако теперь в их взглядах, казалось, читалось некоторое сочувствие. Подобное проявление непрошенной жалости вызвало у меня сейчас только новый приступ раздражения.

Я упрямо отвела глаза и сухо спросила у их главаря:

— И когда же вы планируете свое возвращение?

— Как можно скорее, — мягко, но решительно отозвался тот. — В идеале, прямо сейчас... — однако, увидев выражение моего лица, после секундного раздумья добавил. — Хотя, если вам так будет удобнее, мы можем задержаться до утра.

Всего лишь до утра! После целой жизни, проведенной в этих стенах у меня вдруг оказалось в запасе только несколько часов от заката до рассвета... В этом была, пожалуй, какая-то горькая ирония.

— Сделайте милость, задержитесь, — довольно холодно попросила я. Тон мой был весьма далек от просящего, однако мне и так с трудом удавалось сдерживаться. Казалось, вся злость и гнев, накопившиеся во мне за годы заточения,

сейчас вырвутся наружу, словно пробудившийся вулкан.

Сереброволосый спокойно кивнул в ответ, словно и не заметив моей неучтивости.

— Надеюсь, мы не злоупотребим вашим гостеприимством? — обернулся он к Владыке.

— Нисколько, — спокойно отозвался тот.

Судя по тому, как легко это было сказано, Владыка ожидал, что я захочу задержаться еще как минимум на неделю. А тут такой подарок! При этой мысли я с трудом сдержала истерический смешок. Нервы мои, похоже, были на пределе.

— В таком случае, господа, до завтра.

Не глядя более ни на кого, я торопливо направилась к выходу. Однако уже в дверях неожиданно кое о чем вспомнила.

— Минуточку! — резко остановившись, я развернулась, скрещивая руки на груди.

— Что такое? — даргианский посол вопросительно вскинул брови, оборачиваясь ко мне, однако не был удостоен даже взглядом с моей стороны.

— Я хочу, чтобы мне вернули одну вещь, которая мне принадлежит, — я пристально смотрела на Владыку. — Без нее я никуда не поеду.

— Какую вещь? — отец недоуменно нахмурил брови.

— Октрион.

— Нет! — отрезал Владыка, решительно откидываясь на спинку трона. Его взгляд, обращенный ко мне сейчас, сразу понизил температуру в зале на несколько градусов.

И без того достаточно взвинченная, я едва не задохнулась от возмущения. Мало того, что эта книга была весьма ценна сама по себе — она, к тому же, была прощальным подарком матери. От этого ее ценность для меня возрастала еще больше. Я бы ни за что не оставила ее здесь — и уж тем более *ему*! Я уставилась на Владыку, точно разгневанный василиск. Если бы взглядом можно было прожечь насквозь, от трона давно не осталось бы даже ножек.

— Что ж, в таком случае я никуда не еду!

Владыка холодно взглянул на меня.

— Даже не надейся. Ты связана договором и не сможешь теперь отказаться.

— *Я* ни с кем ни о чем не договаривалась!

— Это не имеет значения!

— Не для меня... — процедила я сквозь зубы. Отец проигнорировал мою реплику, сделав вид, что меня здесь уже нет.

— Отдай Октрион! — упрямо повторила я.

— Я сказал — нет.

Один из пришельцев — тот, что с рыжиной в волосах — ткнул украдкой другого локтем в бок и едва заметно ухмыльнулся. Похоже, то, что

официальный прием плавно превращался в семейную свару, казалось ему забавным. Сереброволосый дарг вежливо кашлянул, вклиниваясь в наш разговор.

— Простите великодушно, но Октрион — это?..

— Старинный эльфийский сборник заклинаний, — коротко пояснила я, все еще пытаясь прожечь взглядом дыру в отцовском лбу. — Он принадлежал моей матери, и она оставила его мне в наследство. Без него я никуда не поеду.

— Если я правильно понял, — задумчиво сказал оборотень. — То этот Октрион, в некотором роде, является для чародейки рабочим инвентарем, так?

— Именно! — отчеканила я, не сводя глаз с отца. — И если уж кому-то так не терпится избавиться от всякой магической бесовщины в доме, так почему бы тогда не отдать все разом?!

— Не позволяйте ей колдовать! — неожиданно с напором обратился Владыка к старшему оборотню. — Она разнесет в клочки весь ваш Сорбронн и себя заодно! Сами же знаете... — он резко осекся на полуслове, поймав странный предостерегающий взгляд, брошенный на него оборотнем.

— Это неправда! — возмутилась я в ответ,

игнорируя этот обмен взглядами. О том, что брать на работу мага и запрещать ему колдовать — глупо, не стоило даже упоминать. Скорее всего, дарг и сам это прекрасно понимал. Я вдруг замолчала, озаренная идеей. Все еще держа руки скрещенными на груди, я небрежно прислонилась плечом к дверному косяку и медленно улыбнулась батюшке.

О да, это будет чудный способ отомстить ему за все и сразу!

Владыка отреагировал на внезапную перемену моего настроения довольно бдительно. Брови его, дрогнув, сдвинулись к переносице, а взгляд неожиданно стал колючим и настороженным. Похоже, он не питал особых иллюзий насчет моей способности одаривать его сейчас искренними улыбками.

— Значит так, Ваше Величество, — ласково проговорила я, обращаясь к нему. — Либо вы отдаете мне Октрион немедленно, либо... — я с показным интересом оглядела тронный зал. — Какую из этих стен вы желаете отстроить заново?

Несколько мгновений Владыка молча взирал на меня, словно не веря своим ушам. Потом пренебрежительно фыркнул.

— Ты не посмеешь!

Вместо ответа я вытянула перед собой руку и неторопливо повернула ладонью вверх.

— Извольте убедиться. Как там любил

говаривать ваш обожаемый дед, наш уважаемый прадед? — мягко поинтересовалась я, слегка пошевелив пальцами. — Для достижения цели все средства хороши? Что ж, заветы предков надо почитать.

На раскрытой ладони уже начинал расти, набухая, полупрозрачный огненный шар, простреливаемый изнутри яркими голубоватыми сполохами. Дабы никто не подумал, будто это шутка, я шевельнула губами — и пол под ногами едва ощутимо дрогнул. Все присутствующие моментально замерли. Владыка чуть побледнел. Даже от дверного проема мне была видна появившаяся у него на лбу испарина.

— Итак? — я вопросительно изогнула бровь.

Пол снова предупредительно дрогнул.

Шар уже разросся до размеров крупной дыни и теперь опасно колыхался на моей ладони, грозя в любой момент сорваться вниз. Оборотни пока особой паники не выказывали, однако стояли, не шевелясь, и поочередно переводили взгляды с Владыки на меня и обратно.

— Проклятье!.. — придушено прошипел Владыка. — Хорошо, забирай эту уторову книгу — и убирайся отсюда, наконец!

С этими словами он молча подал знак маячившему за дверью слуге. Тот скрылся из виду и вскоре вернулся обратно с большой плоской

шкатулкой на вытянутых руках. Боязливо помялся у входа, потом, повинувшись жесту Владыки, осторожно поставил шкатулку на пол у моих ног и торопливо убрался прочь.

— Отлично! — удовлетворенно заметила я. — Приятно сознавать, что родственники всегда могут прийти к соглашению.

Я подбросила в воздух свой взрывоопасный шарик, вызвав этим у Владыки новый приступ астматического удушья — и легонько дунула на него. Сверкающая огненная сфера лопнула с тихим звоном и рассыпалась на миллионы крохотных сверкающих искорок. Я ехидно усмехнулась. Искусство создания иллюзий последнее время давалось мне все лучше и лучше. Несколько мгновений в зале царила абсолютная тишина, потом даргианский посол деликатно кашлянул, нарушая всеобщее оцепенение, и снова повернулся к Владыке.

— Я полагаю, теперь вопрос исчерпан? — Его лицо было совершенно невозмутимо, однако было заметно, что это стоит ему немалых усилий. Владыка, чье лицо теперь переливалось всеми оттенками от нежно-розового до ярко-свекольного, молча кивнул. — В таком случае благодарим вас, Ваше Величество... Увидимся завтра утром.

Дарг учтиво склонил голову в знак прощания и, развернувшись, неторопливо двинулся к выходу.

Остальные оборотни молча последовали за ним. Вся процессия направилась к парадным дверям зала, где, по-прежнему сохраняя воинственный вид, стояла я, но теперь уже в обнимку с Октрионом.

— До встречи, Ваше Высочество... — едва слышно донеслось до меня, когда серебряно-волосый поравнялся со мной в дверях. — До утра.

Это было сказано так тихо, что я сначала даже решила, будто ослышалась — и с удивлением посмотрела на дарга. Наверное, показалось. Но в тот момент, когда я уже была готова недоуменно отвести взгляд, оборотень вдруг вскинул на меня глаза. В них, словно в двух озерах жидкого серебра, обрамленных длинными темными ресницами, плескался еле сдерживаемый смех. Миг — и он снова отвел взгляд, как ни в чем ни бывало, а я осталась стоять, с удивлением глядя в его удаляющуюся спину.

— Э... до утра, — запоздало пробормотала я, когда господа послы уже скрылись за поворотом. И, стряхнув с себя странное оцепенение, решительно направилась в свою комнату.

Солнце еще не успело закатиться ярко-розовым клубком за горизонт, а на противоположном краю небосклона уже начинало разворачивать свои бахромчатые края серое покрывало сумерек. Вечер выдался на редкость

безветренный и тихий.

По крайней мере, за пределами замковых стен.

— В жизни ему этого не прощу! Никогда! — я в ярости потрошила содержимое огромного гардероба, отыгрываясь на ни в чем не повинных вещах и пытаясь при этом сообразить, что из этого хлама может понадобится мне в дороге, а что нет. — Дочерепродавец! Работорговец! И как его только земля носит?!..

Обернувшись к сестре, я яростно потрясла в воздухе кулаком со скомканным в нем шелковым шарфом.

— Уверена, если бы на их месте оказались горные тролли, он бы и то ни минуты не колебался!

— Возмутительно! — поддакнула Лиона. Она сидела на краю кровати, качая ногой и задумчиво созерцая быстро растущую кучу одежды на полу. — Но ты, конечно же, показала всем напоследок, какого сокровища он лишается в твоём лице...

И она засмеялась в ответ на мою гримасу.

— Да-да, слухами земля полнится!

Я немного перевела дыхание.

— Ладно, согласна — я немного погорячилась. Но, посуди сама, он ведь просто отдал меня чужакам, словно какую-то ненужную рухлядь! И кому?!

— Ну, к счастью, все не настолько плохо, —

попыталась она меня успокоить. — В конце концов, дарги — уважаемая Старшая раса. Они так же разумны, как ты или я... Может, даже больше.

— Правда? — не смогла удержаться я от сарказма. — Хочешь сказать, что они, как разумные, человечину сырой не едят?

Лиона рассмеялась.

— Боги!.. Что за ребячество, Мирра? Ты же знаешь, что они вообще не едят людей.

— Неужели? — я поворошила ногой кучу на полу и бездумно вытащила из нее первую попавшуюся вещь. — Ты в коббе-ренвинские учебники заглядывала? Фазы луны, неконтролируемая агрессия, склонность к насилию?

— Вообще-то, это про волколаков. — Осторожно заметила сестра. — Ты бы читала внимательнее не только рецепты заживляющих зелий...

— Не вижу между ними разницы. — Раздраженно передернула я плечами. — Как говорится, волк волку...

— В смысле, ворон — ворону? — Откликнулась Лиона, посмеиваясь. — Да уж, глаз не выклюет... Хорошо, что тебя сейчас магистр Дьорданн не слышит. И вообще, как для чародейки, у тебя удручающе узкий взгляд на межрасовые различия. Ты же сама полукровка!

— И что с того? — Упрямо буркнула я, не

желая отказываться от своего трагического ампула. — Мировой опыт показывает, что обладатели чересчур широких взглядов на эти различия слишком часто становятся обитателями удручающе глубоких могил.

В ответ Лиона лишь закатила глаза и со страдальческим стоном повалилась спиной на кровать. Похоже, я все-таки слегка увлеклась жалостью к себе, и пора было сменить тему.

— Ладно, это все нервы, забудь... Давай лучше не будем пока строить догадок о моем будущем. Будем надеяться, что оно будет хотя бы просто достаточно долгим, а там... — Я неопределенно махнула рукой и вздохнула. — Буду ориентироваться по обстоятельствам.

— Вот это правильно! — согласилась Лиона, снова принимая сидячее положение. — К тому же компания у тебя будет довольно симпатичная.

И поймав мой изумленный взгляд, она поспешно пояснила:

— Я к тому, что этот их главный... Ну, по-моему, он весьма хорош собой.

Хорош собой? Я на мгновение застыла с одеждой в руках, вспоминая собственное впечатление о нем тогда, в зале. Ну... если не принимать во внимание некоторые особенности внешности... Да, пожалуй. Перед глазами снова невольно встали безупречные черты лица

сереброволосого посланника, однако я тут же раздраженно передернула плечами.

— Он оборотень, Лиона.

— Ой, ну что ты заладила? — досадливо поморщилась сестра. — Ты, между прочим, тоже не храмовая фреска. Я всего лишь хотела сказать, что, по-моему, он выглядит слишком благородно, чтобы причинить вред беззащитной девушке. К тому же ты ему, кажется... эм, понравилась.

И она сдержанно усмехнулась, видимо, снова припоминая мое недавнее выступление. Я возвела очи горе и сокрушенно вздохнула.

— Ох, Лиона! Для твоего возраста у тебя слишком богатое воображение!

— Ты хотела сказать, что для своего возраста я слишком хорошо разбираюсь в людях? — сестра разлеглась поперек кровати, подперев голову рукой, и теперь с улыбкой на меня поглядывала снизу вверх. — И в нелюдях...

Я молча махнула на нее рукой. Продолжать развивать эту тему не имело смысла. Отчаявшись сложить желаемое в небольшую дорожную сумку, я вытряхнула все обратно и теперь задумчиво разглядывала гору барахла, лежащую на полу, прикидывая, без чего из вещей мне будет легче всего обойтись. В конце концов отложила в сторону пару сменного белья, мыло, гребень и два толстых вязаных одеяла — жертвы моего вязального

эксперимента.

Лиона с интересом посмотрела на одеяла.

— Что это за жуткие тряпки?

— Это пледы! — оскорбилась я. — Сама связала.

— Оно и видно... — она задумчиво оглядела кривобокие полотна, мало чем напоминающие традиционные прямоугольники, и усмехнулась. — Пентаграмму пыталась вывязать?

— Сама бы попробовала, — я пожалала плечами, нисколько не обижаясь.

— Ну уж нет! — Лиона засмеялась, покачав головой. — Уж лучше я буду махать мечом, чем спицами.

Она помолчала и, после некоторого колебания, неожиданно добавила:

— Знаешь, Мирра, я собираюсь сбежать отсюда.

Я поражено застыла.

— Что? Как?!.. То есть куда?!

Лиона немного помялась.

— В Шьеен-Май.

— В Школу Амазонок?! — недоверчиво переспросила я.

— Ну да... — Лиона рассеянно потеревала пальцами покрывало. — Ты же знаешь, мне всегда нравилось оружие. Помнишь, Оласс, папин стражник, даже давал мне уроки боя на мечах —

втайне от отца, разумеется.... Думаешь, это глупо, да?

Я смотрела на нее в растерянности. С одной стороны, как старшей сестре, мне следовало бы отговорить ее от столь рискованной затеи. С другой... Чего ради ей здесь оставаться? Ради семейного очага, от которого остались одни руины?

— Нет. Я так не думаю, — протянув руку, я во внезапном порыве нежности погладила ее по волосам. — Поступай как считаешь нужным. Уверена, у тебя все получится... В конце концов, должна же хоть одна из нас выбрать собственный путь в этой жизни, правда?

Лиона улыбнулась и благодарно кивнула.

— Мне будет тебя не хватать... — она протянула мне руку.

Я присела рядом с ней на кровать. Какое-то время мы молчали, осознав вдруг, что это действительно наш последний совместный вечер. Потом Лиона тряхнула головой и преувеличенно бодро поинтересовалась:

— Ну что, ты уже подобрала себе наряд, в котором отправишься в дорогу?

— В принципе, да, — уклончиво ответила я.

— А волосы? Как ты собираешься за ними ухаживать в походно-полевых условиях? — не унималась сестрица, потянув меня за длинную прядь.

— О... — я загадочно улыбнулась. — Есть у меня пара идей.

Расставшись с сестрой ближе к полуночи, я легла в кровать и честно попыталась уснуть, однако счет баранов давно перевалил за сотню, а сон все не шел. Часа через полтора в мою дверь поскреблась Лиона и, осведомившись загробным шепотом, не сплю ли я, пожаловалась на бессонницу. Я пожаловалась в ответ. Посоветовавшись, мы решили, что раз уж сон от нас сегодня бежит — туда ему и дорога, и снова занялись экипировкой меня к завтрашнему дню.

Заслышав о моих новаторских идеях в области обмундирования и прически, Лиона сначала широко распахнула глаза, потом недоверчиво захихикала — и в конце концов заявила, что с удовольствием мне поможет. Мы растолкали Йана, дремлющего за дверью, и, объяснив ему, что нам требуется, спросили, сможет ли он помочь. Минут пять Йан тарасился на нас, как на двух полоумных, потом, сбросив остатки сна, буркнул свое: «Не вопрос!» — и скрылся в глубинах замковых коридоров, а мы вернулись в комнату.

Процесс сборов длился почти до самого рассвета. Когда же за окном плотно сгустилась темнота, предвещающая скорый рассвет, я решила, что полностью готова — и, повесив на одно плечо

свой походный рюкзак, а на другое мешочек с травами, который сохранился еще со времен моей целительской практики, храбро вышла из комнаты.

Переступив порог, я, правда, тут же лишилась всего своего имущества. Йан решительно отобрал у меня сумки и, небрежно закинув их на плечо, заявил, что считает своим долгом сопроводить меня вниз и передать из рук в руки моим новым знакомым. Насмешливо фыркнув на добродушные попытки кузнеца изображать мою няньку, я возражать не стала — в любом случае, торчать там одной было бы скучно. Лиона тоже увязалась за нами следом, не считая нужным что-либо объяснять. Впрочем, в этом и не было необходимости — я прекрасно понимала, что им обоим не терпится своими глазами увидеть реакцию новоявленных «работодателей» на мой новый стиль.

Некоторое время мы просидели в гостиной втроем, вольготно развалившись на диванах и уничтожая пирожки, которые Йан предусмотрительно стащил для нас из кухни. Причем, он явно решил накормить нас впрок — глядя на огромное блюдо, торжественно установленное кузнецом на чайном столике посреди гостиной, я предположила, что даже нашей подслеповатой кухарке будет сложно не заметить отсутствие такого количества выпечки сразу.

Интересно, откуда у кузнеца склонности воришки? На мой вопрос Йан лишь невозмутимо пожал плечами, заявив, что, поскольку харчи с королевской кухни, и утащены были для кормления королевских же дочек, то его действия нельзя рассматривать как кражу. Я с ехидцей заметила, что, видимо, те четыре пирожка, которые он слопал сам, считаются вознаграждением за проделанную работу.

— Именно, — с достоинством подтвердил кузнец, спокойно подцепляя с блюда пятый пирожок.

Примерно через час в коридоре послышались шаги. Мы вскочили, спешно приводя себя в более-менее пристойный вид. Йан — а за ним, по размышлению, и Лиона — отошел подальше к окну, не желая привлекать к себе ненужного внимания. Я осталась в одиночестве стоять посреди гостиной, чувствуя себя яблочком на стрелковой мишени. Дверь распахнулась — и в гостиную вошли давешние послы, а за ними, к моему удивлению, и сам Владыка. Интересно, что его сюда привело? Может, решил-таки по-человечески проститься с дочерью и напутствовать ее напоследок отеческим словом? А, может, просто захотел лично убедиться, что я действительно уехала и не передумала в последний момент. Судя по мрачному выражению монаршего лица, выслушивать напутственное

отеческое слово мне не грозило.

Оборотни коротко поклонились в знак приветствия, глянули на меня — и остолбенели. Торопливо дожевывая кусок пирожка, так некстати оказавшегося у меня за щекой, я отметила, что, в принципе, эффект получился именно тот, которого мы и ожидали.

Надо сказать, расшитое серебром шелковое платье было нами с Лионой беспощадно отвергнуто, как совершенно не подходящее для дорожных условий. На смену ему пришли серые штаны, заправленные в высокие сапоги, и коричневая куртка из тонкой мягкой кожи. Сквозь прорези в рукавах кокетливо проглядывала ткань белой льняной блузы. Над моей прической Лиона потрудилась около часа. После недолгих колебаний, длинная коса была безжалостно обрезана, и теперь волосы спускались до плеч волнистыми прядями, подстриженные аккуратной «лесенкой», а на затылке топорщились кокетливым хохолком. Лоб был прикрыт пушистой челкой, у левого виска красовалась тонкая косичка. По правде сказать, моя прическа была практически точной копией прически одной заезжей ведьмачки, которая лет пять назад взялась вывести выстудня в общественной бане в Белянцах. Выстудня она тогда из бани выгнала, изловила, и к корчмарю, по его просьбе, в погреб засунула. Теперь, говорят, у него

там даже мясо сырое неделями лежит и не портится.

Костюм тоже был скопирован с той же ведьмачки, с учетом, конечно, несоответствия исходного материала. Я и так была удивлена, что Йану удалось посреди ночи раздобыть почти все, что мы просили. Даже сапоги подошли. Ради собственного спокойствия я не стала уточнять, откуда кузнец все это позаимствовал.

Немая сцена, между тем, затягивалась. Лиона не выдержала первой, сдавленно всхлипнув от смеха за спиной у непрерывно жующего кузнеца, куда она спряталась, избегая строгого родительского ока. Йана, похоже, нисколько не смущало возникшее в зале напряжение, и он вовсю пользовался случаем и блюдом с пирожками. Немного подумав, я набрала в легкие побольше воздуха и громко многозначительно кашлянула. Обратни отмерли, обменялись несколько ошалелыми взглядами и снова уставились на меня.

— Воистину, Элдар — страна контрастов!.. — еле слышно пробормотал в конце концов рыжеволосый дарг, самый молодой из троицы, вызвав у Лионы новый всхлип смеха. Одарив меня еще одним взглядом, теперь уже полным неподдельного восхищения, он плавно шагнул в бок и скрылся за спиной своего более рослого светловолосого сородича. Оттуда мне были видны

теперь только его плечи, конвульсивно вздрагивающие от беззвучного смеха. Его старший приятель все еще продолжал взирать на меня с немым изумлением, словно не мог поверить, что вчерашняя неженка-принцесса, облаченная в шелк и жемчуга, и нынешняя ведьмочка диковатого вида с недоеденным пирожком в руке — одно и то же лицо. Не выказал изумления один только серебряный — видимо, для того чтобы вывести его из душевного равновесия, одной только кардинальной смены образа было маловато. Тем не менее, рассматривал он меня теперь с задумчивым, эдаким оценивающим прищуром, вероятно, делая мысленно заметку, что в будущем со мной нужно держать ухо востро.

Еще раз оглядев меня с ног до головы, он сдержанно заметил:

— Приятно видеть, что вы... хм, творчески подошли к дорожным сборам, Ваше высочество. И раз уж вы готовы, то нам лучше поскорее отправляться в путь.

Я с достоинством кивнула и подала оборотную руку, которую тот, как всякий воспитанный нелюдь, вынужден был принять. В конце концов, принцесса я или нет? Вот так, под руку, сохраняя оба невероятно чинный и благопристойный вид, мы и отправились прочь из гостиной, а остальные гуськом потянулись за нами.

В том же составе мы переместились из гостиной во двор, где у конюшен нас ждали уже полностью оседланные лошади. Мне не пришлось долго гадать, которая из них предназначалась для меня. Не думая о том, какое впечатление произведу на своих будущих спутников, я подбежала к ней и радостно обняла шелковистую шею.

— Искра!.. — прошептала я, чувствуя, как по лицу невольно расплзается счастливая улыбка.

Кобыла повернула голову и приветственно заржала мне прямо в ухо. Я легонько шлепнула ее по морде и потрясла головой, прогоняя звон в ушах.

— Когда-нибудь я из-за тебя оглохну, бессовестное животное, — ласково попеняла я ей.

Оборотни, между тем, уже раскланивались с остающимися. Задержался один только серебряный. Я видела, как он о чем-то тихо и серьезно говорил с моим отцом. Тот сначала напряженно слушал, потом, кажется, что-то переспросил, нахмурился и коротко кивнул. Дарг отошел от Владыки и приблизился ко мне, по-видимому, намереваясь помочь сесть на лошадь... Кобыла внезапно испуганно захрапела, шарахнулась и резко попятилась от него, бешено вращая глазами и приседая на задние ноги. Казалось, еще немного — и она ударит его копытом. На какое-то мгновение я лишилась дара

речи, пораженная столь неожиданной реакцией Искры на.... А, ну да, я задумчиво закусила губу, вполне естественной реакцией лошади *на волка* .

Я искоса взглянула на дарга и несколько виновато улыбнулась. Ситуация была довольно щекотливая, и я не совсем понимала, как следует поступить. Извиниться перед ним за лошадь? Извиниться перед лошадью за него?

К моему удивлению, оборотень сам взялся за решение проблемы.

— Прошу прощения, — он мягко, но решительно оттеснил меня в сторону, подальше от бьющейся в истерике кобылы, а сам шагнул вперед и встал прямо перед ней.

Я с интересом следила за ними обоими, не зная, чего ждать дальше.

— Assaie, — оборотень протянул руку вперед и коснулся кончиками пальцев морды испуганной лошади. — Assaie, ashi... Et nara wienn koieh, ashi.

Он продолжал говорить ей что-то ласковое и успокаивающее на незнакомом мне языке, и я с удивлением наблюдала, как испуганная д'арриэнская кобыла постепенно затихает под его ладонью. Еще минута — и вот она уже стоит перед ним, как ни в чем не бывало. Оборотень ласково похлопал ее ладонью по шее, и Искра игриво ткнулась ему мордой в плечо. Будь я единственным свидетелем недавнего происшествия, то подумала

бы, что мне все это просто привиделось. Я удивленно покачала головой. Теперь понятно, почему их собственные лошади были так спокойны.

— Вам помочь? — вывел меня из задумчивости голос оборотня рядом со мной.

— Нет, благодарю, — я с вызовом вздернула подбородок, и решительно шагнула к Искре мимо него. Что бы там не думал наш гость о здешних принцессах, но самостоятельное усаживание в седло никогда не вызывало у меня затруднений.

И, тем не менее, я замешкалась.

— Можно еще минутку? — негромко попросила я дарга. Тот, не задавая лишних вопросов, понимающе кивнул и отошел в сторону. А я отправилась прощаться с остающимися.

Крепко обняв Лиону, я шепотом пожелала ей удачи. Она взволнованно кивнула и пожелала мне в ответ того же. Потом настала очередь Йана.

— Благодарю за помощь, — произнесла я, торжественно протягивая ему руку. — Она была поистине неоценима! Надеюсь, Владыка не забудет свое обещание о награде... — И я многозначительно подмигнула кузнецу.

Йан покраснел как рак, засмутился и, неловко пожав протянутую руку, тоже пожелал мне удачи.

Я сделала шаг по направлению к отцу и остановилась. Все подходящие случаю слова внезапно испарились из моей головы, словно

медяки из прохуdivшегося кармана.

— Прощайте, Ваше Величество, — поколебавшись, я сухо поклонилась ему, как чужому.

Отец даже не шелохнулся в ответ. Он молча стоял и смотрел на меня — без злобы, без укора, без неприязни. Просто устало. И печально... От этого взгляда вдруг почему-то тоскливо защемило сердце. Что-то во мне дрогнуло, но я усилием воли заставила себя сдержаться и снова, как в плащ, запахнувшись в давешнюю обиду, коротко кивнула ему, отвернулась и направилась к лошадям.

— Удачи... — едва слышно донеслось до меня из-за спины, но я не замедлила шага.

Вот так, вооруженная троекратным пожеланием удачи, я вскочила в седло. Сереброголовый дарг, все это время терпеливо ожидающий меня рядом с лошадьми, сделал то же самое. Я отдала провожающим шуточный салют, чтобы скрыть собственную нервную дрожь, и направила Искру следом за оборотнями по дороге на восток.

Глава 4. Попутчики

Дорога от элдарского замка все время шла под уклон. Лошади трусили ленивой рысцей вперед, а мои мысли упрямо возвращались назад — к

последним минутам моего пребывания в отчем доме.

Отчего меня так взволновало поведение отца при прощании? Почему он выглядел таким расстроенным? Ведь передумывать и оставлять меня в замке он явно не собирался. И все же... Сама не знаю. Может, задержись я еще на минутку — и наше прощание, по крайней мере, не было бы таким сухим и холодным?.. Леший его возьми! Я снова разозлилась. Ведь он *сам*, никого не спрося, вышвырнул меня из родного дома, словно ненужный хлам! Да еще в компании оборотней! Трудно ожидать от человека, всю жизнь, насколько это возможно, избегающего контактов с другими расами, более нелогичного поступка... Хотя, возможно, логика здесь и была, вот только мне она казалась какой-то на редкость извращенной.

Словом, несмотря на ясный и погожий денек, настроение у меня было довольно-таки мерзостным. Похоже, сереброголовый дарг верно угадал мое состояние, потому что спустя некоторое время, потраченное им на ненавязчивое изучение моего насупленного профиля, подъехал ближе.

— Не расстраивайтесь, ваше высочество. В действительности дела обстоят не так плохо, как вам сейчас кажется, — негромко произнес он, игнорируя мой откровенно недружелюбный взгляд.

Сама того не желая, сегодня я снова

поразила необычному тембру его голоса. Кроме того, теперь в его речи отчетливее слышался едва заметный акцент, не замеченный мной вчера. Вспомнилось странное наречие, на котором он говорил недавно, успокаивая мою лошадь — судя по всему, всеобщий не был для дарга родным языком.

— Легко вам говорить, — мрачно ответила я, даже не пытаясь быть любезной. — Это ведь не вы в одночасье лишились и дома, и семьи.

— Верно, — покладисто согласился дарг. — Это весьма неприятно. Но, с другой стороны, взамен вы, наконец, обрели свободу — вам ведь больше не придется сидеть взаперти в башне, не так ли?

Я подозрительно покосилась на своего спутника. О моей жизни ему почему-то было известно на удивление много.

— Свободу? — скептически переспросила я его. — И в чем же она заключается, позвольте спросить? Да, меня выпустили из башни, как вы изволили заметить — но лишь для того, чтобы отправить в чужую страну, в совершенно незнакомой мне компании. И моего согласия на это, насколько помню, никто не спрашивал... Уж, простите великодушно, но мои представления о свободе сильно отличаются от ваших.

Оборотень терпеливо и внимательно

выслушал мою раздраженную тираду. Я умолкла, а он по-прежнему продолжал молчать. Возможно, я немного переборщила с претензиями, но в конце концов — разве я была не права?.. Некоторое время мы ехали в тишине, которую я не решалась более нарушить, полагая, что и так уже сказала слишком много.

Впереди замаячил серый каменный столб дорожного указателя, ошетилившийся в разные стороны чуть покосившимися деревянными стрелками. Мы подъехали к перекрестку.

— Знаете, а вы правы! — неожиданно сказал оборотень. — Это действительно несправедливо. А потому, раз уж вы так жаждете свободы, вы ее получите.

— В каком смысле? — несколько опешив, удивленно переспросила я.

— Не волнуйтесь, все без обмана, — успокоил меня дарг. — Я готов предоставить вам выбор — ехать дальше с нами или же отправляться на все четыре стороны, по своему усмотрению... — Он небрежно махнул рукой, указывая на лежащий перед нами перекресток. — Вернее, на все три. Назад в замок вам, пожалуй, возвращаться не стоит.

Я рассеянно кивнула, признавая, что уж в этом-то он прав, однако в остальном такой поворот разговора оказался для меня абсолютно неожиданным. Руки сами машинально натянули

поводья, и Искра послушно замедлила шаг.

— Хотите сказать, я в самом деле могу дальше с вами не ехать? — недоверчиво переспросила я оборотня. — Вы серьезно?

— Целиком и полностью, — подтвердил тот. — Вы вольны отправляться, куда вам угодно. Решайте сами.

Говоря это, дарг натянул повод, останавливая коня точно на перекрестке. Его спутники, не вполне понимая, в чем дело, также придержали лошадей, вопросительно переводя взгляды с меня на своего предводителя. В полной растерянности я огляделась по сторонам. Неожиданно обретенная свобода показалась мне вдруг куда менее приятным сюрпризом, чем можно было ожидать. При отсутствии каких-либо денег и хотя бы приблизительного плана, куда податься, возможность внезапно стать совершенно самостоятельной, выглядела весьма сомнительной удачей. Тем не менее, я постаралась изобразить радость от столь неожиданно свалившегося на меня подарка судьбы. В конце концов, сама ведь напросилась.

— Благодарю! — как можно искреннее улыбнулась я даргу.

— На здоровье. И кстати... Небольшое напутствие перед расставанием, — сереброволосый по-прежнему не сводил с меня взгляда. — Если

решите направиться на север, будьте осторожны. Недавним ливнем в верховьях реки капитально размыло плотину, и теперь мост затоплен, а дорога полностью пришла в негодность. Я слышал, как об этом вчера говорили крестьяне, когда мы направлялись в замок.

— Неужели? — вежливо отозвалась я. — Спасибо за предупреждение.

— Если отправитесь на юг... — невозмутимо продолжал оборотень. — Будьте начеку. Видите, как мало следов на этой дороге да и те уже довольно старые? Судя по всему, где-то на тракте поселился опасный хищник или, возможно, нежить. Люди явно избегают этой дороги, что не удивительно, и на вашем месте я бы последовал их примеру.

Я подозрительно уставилась на него.

— Ну хорошо... А если я поеду на восток?

— Тогда, боюсь, вам придется путешествовать в совершенно незнакомой компании, — невозмутимо пожал плечами дарг. — Тоже, наверное, не бог весть какое удовольствие, но на данный момент мне больше нечего вам предложить. Только эти три варианта.

Его голос был абсолютно серьезен, однако в глазах — я готова была поклясться! — на мгновение мелькнули смешливые искорки.

Я медленно смерила оборотня

разочарованным взглядом.

— Так и думала, вы меня просто разыгрывали! — с возмущением тряхнув головой, я отвернулась от него. — На самом деле получается, что я только и могу, что ехать дальше вместе с вами... Стоило ли тогда тратить время и слова на подобный спектакль?

— Никакого спектакля не было, — спокойно возразил тот. — Я лишь обрисовал вам возможные перспективы на случай, если вы решите продолжить путь самостоятельно. Путешествовать в одиночку — трудно, и вы должны понимать, что в этом случае ваша безопасность будет весьма сомнительна.

— Какая трогательная забота... — тихо пробормотала я с сарказмом.

О том, что в компании троих оборотней моя безопасность выглядела ничуть не лучше, говорить вслух я не стала. Давешние глупые страхи снова зачем-то полезли в голову. Был ли он так уж искренен, когда отговаривал меня продолжать путь в одиночку? Воображение услужливо нарисовало сцену, в которой на дороге перед одинокой всадницей из кустов с рычаньем и воем вываливаются три здоровенных волка. Подзакусить, так сказать, несостоявшейся попутчицей... Я снова тряхнула головой, отгоняя неприятные мысли.

— Итак, что же вы решили? — вернул меня к реальности голос оборотня.

Я недовольно глянула на него исподлобья и вздохнула.

— Пожалуй, пока отправлюсь на восток... Но только *пока*.

— Договорились, — невозмутимо кивнул дарг.

Он снова стронул с места своего коня, а следом за ним потянулись и остальные. Искра послушно трусила рядом с черным, как смоль, громадным жеребцом сереброволосого.

— Могу я задать вопрос? — снова заговорила я. Оборотень молча кивнул, соглашаясь. — Вы сказали, что путешествовать в одиночку небезопасно. Значит, если я продолжу путь в вашей компании, мне нечего бояться?

— А вы нас в чем-то подозреваете? — дарг вопросительно вскинул брови.

— Нет, что вы! Я не это имела в виду... — торопливо возразила я, в глубине души прекрасно понимая, что и *это* — тоже.

Оборотень с минуту пристально смотрел мне в глаза, а потом усмехнулся и покачал головой.

— Странное вы создание, Мирраэль, — добродушно проговорил он. — Когда я пытаюсь вас поддержать, вы требуете свободы. Когда вам ее дают, не спешите ею пользоваться. Когда я говорю

о безопасности, вы обвиняете меня в обмане. А решив, наконец, продолжать путь вместе с нами, мысленно прикидываете, с каким гарниром вас будут подавать к столу.

— И с каким же? То есть... Я хотела сказать — ничего подобного!

Оборотень тихо рассмеялся, и я, не удержавшись, тоже смущенно улыбнулась, чувствуя себя при этом довольно глупо. Весь этот разговор действительно выглядел нелепо, тем более, что мой собеседник вовсе не был похож на людоеда.

— Знаете, я теперь начинаю понимать слова вашего отца о том, что вы очень необычная девушка, — все еще улыбаясь, задумчиво произнес дарг, искоса поглядывая в мою сторону.

Эти слова неожиданно отрезвили меня, мигом стерев с лица улыбку.

— Очень сомневаюсь, что вы по-настоящему его поняли, — тут же утратив всякое желание продолжать разговор, сухо ответила я. И легонько потянула повод. Искра покорно шагнула в сторону, однако оборотень быстро выбросил руку вперед и, схватив за поводья, удержал мою лошадь рядом со своей.

— Прошу прощения, — тихо сказал он. — Я что-то не то сказал? В моих словах не было злого умысла... Клянусь!

Его манера говорить все еще казалась мне странноватой, будто чуть старомодной, но голос звучал вполне искренне. Я снова взглянула на дарга.

— Прошу прощения, если чем-то обидел вас, — медленно повторил он снова, глядя мне в глаза.

Низкий голос оборотня звучал так проникновенно, что мое сердце невольно дрогнуло. Я мысленно задала себе вопрос, стал бы он вот так извиняться, если бы знал, насколько я, Астарот возьми, *необычна* ? Мне на мгновение даже стало немного грустно.

— Ладно, забудем об этом, — сказала я в конце концов. И неуверенно попыталась улыбнуться. — Лучше давайте, наконец, познакомимся... раз нам все равно по пути.

Оборотень мгновение в растерянности смотрел на меня, потом смущенно кашлянул.

— Ох, простите снова! Кажется, я сегодня совершаю одну ошибку за другой, — виновато усмехнувшись, заметил он. — Зная ваше имя, я совершенно забыл, что вы до сих пор не знаете наших... Меня зовут Сев.

И оборотень коротко склонил передо мной голову в приветственном поклоне. Я машинально кивнула в ответ, мысленно еще раз проговаривая его имя. Странное, непривычное для слуха —

словно обрывок чего-то более полного... Впрочем, может, это лишь мое, человеческое, восприятие?

— Это — Грейн, — кивком указал он, между тем, на младшего дарга.

Рыжеволосый оборотень встретился со мной взглядом и, подмигнув, приветливо улыбнулся. Я медленно кивнула в ответ, не сводя замороженных глаз с пары длинных и острых белоснежных клыков, сверкнувших у него под верхней губой. Чисто теоретически я предполагала их наличие в данном месте, но увидеть это воочию было все равно несколько... обескураживающе.

— А это — Хират.

Русоволосый дарг улыбаться не стал, ограничившись легким наклоном головы, однако я не сомневалась, что его комплект клыков, вздумай он улыбнуться, выглядел бы не менее впечатляюще.

— Очень приятно... — рассеянно проговорила я.

Сереброволосый снова внимательно глянул на меня — и едва заметно усмехнулся. Кстати, сам он все это время улыбался немного странно, подумалось мне вдруг — почти не размыкая губ, как если бы нарочно старался не показывать мне своих клыков. Будто заранее предполагал, какое впечатление на меня они могут произвести... Ох, неужели я и впрямь настолько жалко и предсказуемо выгляжу?

Я недовольно нахмурилась, досадуя на саму себя. Ну и на него, заодно.

Сев, между тем, слегка наклонился в седле в мою сторону, словно не желая быть подслушанным остальными. Заинтригованная, я невольно тоже подалась ему навстречу.

— Готов спорить на собственную лошадь... — донесся до меня его тихий и чуть насмешливый голос. — В детстве вы обожали по вечерам сидеть на кухне вместе со слугами и слушать страшные байки, которыми те щедро потчевали друг друга перед сном... — Он внимательно изучал меня из-под ресниц, пряча улыбку в уголках губ. — А детское воображение — на редкость живая штука, и вы верили абсолютно всему!

— Лошадь не жалко? — с некоторым вызовом фыркнула я, резко выпрямляясь в седле и чувствуя, как щеки заливают предательский алый румянец.

— Не жалко, — самоуверенно отозвался дарг, по-прежнему улыбаясь. — Потому что я прав... Сам был таким же.

Уже готовая с жаром оспорить его заявление, при этих словах я непроизвольно улыбнулась.

— Правда? И о чем же рассказывали страшные байки вам? Наверное, о людях, которые якобы охотятся на ваших соотечественников, чтобы... ну, к примеру, сшить себе на зиму тулуп

из их шкур?

— Да, и об этом тоже. Честно говоря, я до сих пор стараюсь держаться подальше от мест, где когда-либо происходили подобные инциденты, — ничуть не смутившись, спокойно подтвердил оборотень.

Я недоверчиво уставилась на него.

— Вы хотите сказать?.. — Дарг не ответил на мой недосказанный вопрос, но его выразительного взгляда вполне хватило. — Боже Всесветлый! Ужас какой... — потрясенно пробормотала я и умолкла. Мысль, что кто-то действительно может щеголять в подобной одежде, теперь — после общения с Севом — показалась мне совершенно чудовищной.

Оборотень деликатно подождал, пока я переварю полученную информацию.

— Вот видите? — заметил он, едва заметно улыбаясь. — Мы с вами, на самом деле, практически в равном положении. Вы боитесь меня, а я с таким же успехом могу бояться вас. Вдруг вам вздумается к зиме новой шубой обзавестись?

— Нет, это вряд ли, — уверенно сказала я. И, мельком бросив взгляд на его серебристо-серую шевелюру, не удержалась от шпильки. — Тем более, что *такого* цвета у меня уже есть.

— Серьезно? — в тон мне откликнулся оборотень. — Вот и слава Яру! Прямо от сердца отлегло...

Я, не удержавшись, тихо рассмеялась. Беседовать с этим парнем, вопреки моим опасениям, оказалось на удивление легко, словно мы были давно знакомы. Может, я слишком поторопилась, отказавшись ехать вместе с даргами в их долину? Впрочем, я ведь могу передумать... Им же еще нужен чародей?

— А как далеко от Элдара находится ваш Сорбронн? — осторожно поинтересовалась я, стараясь не выказывать излишней заинтересованности.

— Довольно далеко, — откликнулся Сев. — Но для нас это не имеет значения.

— Что это значит? — нахмурилась я.

— Ничего особенного, — заверил дарг. — Просто, с помощью магии мы сможем оказаться там всего через пару часов.

— Телепорт? — живо заинтересовалась я.

— Телепорт, — заметив мою реакцию, с улыбкой подтвердил он.

Я мысленно возликовала. Однажды мне уже доводилось пользоваться телепортом, когда Владыка с семьей был приглашен на коронацию молодого Императора в Палесм. Тогда я была немало впечатлена тем, насколько сильно это упрощает путешествия. Сама я, к сожалению, не умела создавать ничего подобного и искренне считала это обстоятельство весьма удручающим

пробелом в своем образовании.

— И часто вы ими пользуетесь? Телепортами?

— По мере необходимости, как и все... —

Дарг все еще следил за выражением моего лица. —

А что? Вас что-то смущает?

Озаренная внезапным сомнением, я нахмурилась.

— Нет... То есть — да, — я немного поколебалась, прежде чем задать следующий вопрос. — Мне казалось, что оборотни не владеют магией. Кто же тогда открыл для вас телепорт?

Оборотень едва заметно улыбнулся в ответ.

— Ну вы же не будете отрицать, что отсутствие у нас магических способностей не лишает нас права пользоваться услугами других магов?

— Разумеется, нет! — я с трудом скрыла разочарование. — Но это означает, что у вас уже есть свой чародей... Зачем же вам тогда еще один?

— Вы считаете, что одного мага достаточно? — дарг негромко рассмеялся, видя выражение моего лица. — Вы, вероятно, не представляете себе истинных размеров Сорбронна, если так думаете! Мы вполне можем позволить себе содержать двух магов — и работа, уж поверьте, найдется обоим... — А потом посмотрел на меня внимательнее и добавил: — Знаете, я буду рад, если наша миссия все же завершится успехом, и мы

доставим в Сорбронн еще одну чародейку.

Я мысленно возликовала, изобразив при этом внешне серьезное и продолжительное раздумье.

— Что ж... В таком случае я, пожалуй, могу вам в этом помочь.

— Благодарю, — совершенно серьезно ответил оборотень.

Теперь мое будущее снова приобрело более-менее определенные очертания. Это давало надежду.

— И все-таки... Почему ваш правитель выбрал именно меня? — не сдержав любопытства, снова принялась я за расспросы после короткого молчания. — На Терране столько магов, а вы приехали в Элдар... Я хочу сказать — он ведь мог выбрать любого!

— Любого, — согласился Сев. — А разве вы не подходите под это определение?

Я недоверчиво посмотрела на него.

— Хотите сказать, это был случайный выбор? На кого Яр пошлет? Или вы монетку бросали?

Оборотень едва заметно улыбнулся.

— Монетку. На кого Яр пошлет. На кого придворная чародейка укажет... Какая разница?

— Огромная! — заверила я его. — Лично я не верю в случайности. Так кто у вас, говорите, придворная чародейка?

— Разве версия с волей богов не кажется вам

более интересной? — похоже, оборотень снова меня дразнил. Но потом все же сжалился. — А придворная чародейка наша — высокородная леди Норраэль, из клана Гар'Эрроэн. Думаю, вам не надо объяснять, кто это такая.

— Норраэль... Моя тетя Норра?? — изумленно переспросила я. — Так это она прислала вас за мной?!

Оборотень, немного замешкавшись, медленно кивнул.

— Скажем так, в свое время она поспособствовала вашему нынешнему переселению в Сорбронн, — произнес он осторожно, будто тщательно подбирая слова. Однако я этого не заметила.

Неожиданно все для меня прояснилось, и многие события представляли теперь совершенно в ином свете. Я прекрасно помнила эту статную красивую эльфийку, чей истинный возраст оставался загадкой, наверное, даже для нее самой. Мать довольно часто переписывалась с ней, заставляя меня в качестве тренировки то и дело самостоятельно создавать магических Вестников для отправки ее длинных и многословных посланий. Несчастные полупрозрачные голубки наверняка добирались до адресата на последнем издыхании, после чего с облегчением развеивались по ветру. Видимо, это мать написала Норраэль о

моем заточении — и та, по доброте душевной, решила мне помочь. Надо будет не забыть потом поблагодарить ее. Она действительно оказала мне немалую услугу — если уж выбирать, то лучше чародействовать у даргов под ее присмотром, чем сидеть взаперти в башне у отца.

— Почему же вы сразу не сказали мне о Норразль? — с легким упреком обратилась я к Севу. — Так мы бы могли избежать многих недоразумений.

— И лишит вас возможности по собственной воле согласиться на поездку в Сорбронн? — искренне удивился дарг, старательно пряча усмешку. — А как же ваша жажда свободы? Разве выбирать из нескольких вариантов не приятнее, чем просто смириться с фактом, что никакого выбора не было?

Я задумчиво прищурилась, глядя на улыбающегося оборотня. Похоже, все это утро тот с удовольствием морочил мне голову. Однако обижаться на него почему-то не хотелось — тем более, что мысль о том, что в далеком Сорбронне меня ждет кто-то знакомый, заметно улучшила мое настроение.

На опушке леса мы остановились. По словам моих спутников, телепорт находился где-то поблизости. Оборотни спешили и, взяв лошадей под уздцы, направились прямо в лесную чащу, по

едва приметной тропке. Я соскочила с седла и тоже послушно потянула Искру следом за ними. Вскоре мы оказались на небольшой полянке, окруженной со всех сторон густым колючим кустарником. Местечко было на редкость укромным, просто мечта влюбленных — скрытое от глаз случайных путников, оно, тем не менее, находилось достаточно близко от дороги, чтобы не тратить время на долгое продираание через чащобу.

— Это здесь? — почему-то шепотом спросила я остановившегося рядом оборотня.

Тот без слов коротко кивнул на росший в центре поляны маленький чахлый кустик. Я огляделась по сторонам. Странно... Что-то в окружающем пейзаже показалось мне неправильным. Точнее сказать, у меня вдруг возникло ощущение, будто в нем чего-то не хватает.

— Грейн, ты — первый, — распорядился, между тем, Сев.

Рыжеволосый оборотень крепче намотал на руку поводья и повел своего жеребца в середину поляны. И в этот момент я неожиданно сообразила, в чем дело.

— Сев! Здесь...

Грейн к этому моменту достиг заветного кустика — и... ничего не произошло. Рыжий дарг удивленно моргнул и остановился на месте, как

вкопанный.

— ...нет никакого телепорта! — несколько запоздало закончила я, озвучивая уже очевидное.

Теперь я знала, что именно насторожило меня с первой минуты на поляне. Не было знакомого покалывания на коже, запомнившегося с прошлого раза. Не было легкого марева, слабого искажения воздуха над местом, где, по словам оборотней, должен был находиться закрытый, но активный телепорт. Никакого, ни малейшего намека на присутствие действующей магии! Я вопросительно оглянулась на Сева. Оборотень перехватил мой взгляд и нахмурился. Грейн, между тем, еще раз пересек поляну, потом выпустил из рук поводья и пару раз прошелся туда-сюда один.

— Эй! Телепорт-то закрыт! — разочарованно сообщил он нам, оборачиваясь.

— Да. Мы уже в курсе, — сумрачно отозвался Сев.

Мы пробыли на поляне еще с час, сидя в тени высокого колючего кустарника. Каждые несколько минут кто-нибудь вставал и ходил на разведку, однако результат оставался неизменным. В конце концов Сев поднялся и отряхнул штаны от травы.

— Ладно, нет смысла продолжать торчать здесь. Только время напрасно тратим.

— Поверить не могу, что он все-таки... —

Хират, не договорив, резко оборвал фразу, встал и без видимых усилий сердито переломил толстую сухую ветку, в задумчивости поднятую с земли.

— Только не говорите, что теперь нам придется добираться своим ходом! — негромко простонал Грейн, с кряхтением поднимаясь на ноги и уныло косясь в сторону лошади.

Двое других оборотней лишь мрачно обменялись взглядами.

— Может, он все-таки откроется позже? — неуверенно предположила я на всякий случай. — Может, Норраэль просто сейчас занята? Держать телепорт все время активным — довольно утомительное занятия, я слышала...

Сев отрицательно качнул головой.

— Вряд ли дело в этом. У нас с Норраэль была жесткая договоренность по срокам и интервалам его открытия. Уверен, если бы она могла активизировать телепорт, она бы уже давно это сделала... Кроме того, вряд ли нам стоит сейчас долго оставаться на одном месте. Это может быть опасно.

— Опасно? — удивленно переспросила я.

Оборотень не ответил, и я задумалась о другом. Очень уж мне не понравились его слова о тетушке — «если бы она могла»...

— Вы думаете, что-то случилось с Норраэль? Она больна? — чувствуя внезапную тревогу, вслух

спросила я.

Оборотни снова безмолвно обменялись взглядами.

— Мы не знаем, — честно ответил серебряноволосый. — Но обязательно выясним, когда вернемся. — И он решительно направился к лошадям.

Остальные молча последовали за ним.

— Куда же теперь? — тихо спросила я Хирата.

— На восток, — хмуро ответил тот, сосредоточенно подтягивая подпругу на боку своего жеребца. — Будем добираться домой сами, своими силами.

— На восток? — рассеянно переспросила я, пытаясь одновременно воскресить в памяти карту Террана. — В Проклятые Земли?

И тут же пожалела о своих словах, потому что оборотень бросил на меня в ответ такой взгляд, что мои щеки вспыхнули ярким румянцем.

— Да, — сухо ответил Хират. — Именно в Проклятые.

И, отвернувшись, одним махом взлетел в седло. Я, все еще пунцовая от смущения и досады, неловко последовала его примеру. Надо ж было такое брякнуть, мысленно бранила я себя. Ну что у меня за дурное везение — постоянно выставять себя в глупом свете?!

Сев, уже полностью готовый в путь, обернулся и внимательно осмотрел наш маленький отряд.

— Готовы?.. Тогда — вперед. До Сорбронна путь неблизкий.

Грейн, нехотя забирающийся в этот момент в седло, издал в ответ такой громкий и протяжный стон, что заставил свою лошадь шарахнуться вбок от неожиданности. Рыжеволосый выскользнул ногой из стремени — и растянулся на земле, витиевато высказав лошади свое неодобрение по этому поводу.

— Так тебе и надо, балбес! — сердито буркнул Хират в его адрес, наматывая поводья на руку. — Давно пора бы научиться хоть немного мозгами пользоваться, а не только голосом.

— За собой смотри, зануда! — тихо огрызнулся Грейн, полезая обратно в седло. — У меня хоть голос есть, а кого-то и вовсе природа обидела.

Сорвав друг на друге плохое настроение, оборотни, казалось, заметно успокоились.

— А неблизкий путь — это сколько? — тщетно пытаюсь вспомнить расстояние от Элдара до Проклятых Земель, поинтересовалась я, на всякий случай ни к кому конкретно не обращаясь.

Грейн, наконец-то взгромоздившийся на лошадь, только кисло посмотрел на меня и

вздохнул.

— Это много, ваше высочество, — мрачно сказал Хират, видимо, уже простивший мне недавний промах. — Слишком много, чтобы путешествие считалось приятным. И, что самое досадное, почти все время — по человеческим территориям.

Теперь мы продолжали путь в полном молчании. Было похоже, что неожиданно изменившиеся обстоятельства встревожили оборотней гораздо сильнее, чем они показывали, и на разговоры сейчас никого не тянуло. Впрочем, это было не удивительно — вряд ли кого-то могла обрадовать перспектива вместо нескольких часов добираться до дома несколько дней, а то и недель — я точно не знала. Глядя на их серьезные озабоченные лица, я вдруг подумала, что, возможно, для меня это путешествие окажется сложнее, чем любое испытание, с которым мне доводилось сталкиваться до сих пор... Или, может, я напрасно беспокоюсь?

Как бы то ни было, а выбора у нас все равно не было.

Дорога тянулась через поля, смотреть было особо не на что, и, наскоро обзрев пейзаж, я принялась куда с большим интересом снова рассматривать своих спутников. После отъезда с

поляны оборотни поменяли порядок следования — и теперь Хират и Грейн ехали чуть впереди нас с Севом. Наконец-то, у меня появилась возможность разглядеть их как следует.

Некоторое время я наблюдала за Хиратом. Старший оборотень производил несколько странное впечатление. В простой одежде строгого покроя, бледный, худощавый, жилистый, с белокурыми волосами до плеч и холодными светло-серыми глазами — внешне он, пожалуй, немного смахивал на призрака. Однако в том, как он двигался, было что-то... На ум невольно приходила хищная и безудержная грация берсерков. Не знаю, как именно, но Хират определенно имел отношение к военному делу. Из всех троих он выглядел самым серьезным и даже слегка мрачноватым. Хотя, возможно, просто обстоятельства сейчас к веселью не располагали?

Грейн, его младший товарищ, тоже был строен и худощав, хоть и ростом чуть пониже. С виду самый молодой из них, примерно мой ровесник. Волосы с заметной рыжиной, кожа светлая, едва тронутая загаром. Приятное тонкое лицо выглядело сейчас довольно печальным, хотя вообще-то от природы дарг, кажется, был весельчаком. По крайней мере, мои выходки с иллюзиями в тронном зале и с последующим переодеванием он первый из всех оценил по

достоинству... Я невольно отметила дорогой кожаный пояс, украшенный золотыми и серебряными заклепками, и пару перстней на его пальцах, тоже явно не из дешевых. Из всей троицы он был единственным, кто носил подобные украшения, хотя вряд ли кто-либо из его спутников не мог позволить себе того же. Похоже, ему просто нравилось привлекать к себе внимание.

И вот, в конечном итоге, мое внимание снова сосредоточилось на сереброволосом дарге. Тот по-прежнему ехал рядом со мной на своем черном, как смоль, длинногривом жеребце. Из-за этого я могла лишь изредка бросать на него короткие взгляды из-под ресниц, чтобы не быть уличенной в откровенном разглядывании. Высокий, стройный и худощавый, он уверенно и твердо сидел в седле, будучи, похоже, весьма опытным наездником. Немного странно для того, кто и сам может прекрасно бегать на четырех лапах... Я продолжала исподтишка внимательно наблюдать за ним. Не знаю, был ли он солдатом, подобно Хирату, но его скупые, выверенные жесты и гибкая, какая-то нарочито мягкая, пластика производили на внимательного наблюдателя странное впечатление... Их манера двигаться, всех троих, вообще, была довольно необычна. Незаметная на первый взгляд разница, по сравнению с обычными людьми, становилась все очевиднее по мере

наблюдения. Лично мне понадобилось пара часов, чтобы понять, наконец, в чем же тут секрет. Вся эта показная замедленность и скупость движений были своего рода попыткой скрыть от постороннего глаза природную силу и быстроту оборотней. У серебряного это проявлялось заметнее всего. Я попыталась представить себе на минутку, как же он двигается, когда не пытается контролировать себя так, как сейчас — или когда находится в своей второй ипостаси. Вспыхнувшая в мозгу картинка заставила меня невольно поежиться. Совершенный, идеальный хищник! Я вспомнила первую реакцию моей кобылы на него. Пожалуй, уже тогда у нее было куда более полное представление о нем, чем у меня сейчас...

Задумчиво нахмурившись, я вдруг подумала, что совершенно не знаю, какой мир ждет меня там — на другом конце пути. И, чтобы отвлечься, снова окинула Сева критическим взглядом.

В наших краях нечасто встретишь длинноволосых мужчин — разве что отшельников, изредка забредающих в деревни — заросших и грязных, словно лешие. Однако, в отличие от них, дарга длинные волосы ничуть не портили. Скорее, наоборот. Рассматривая в солнечном свете его безупречный, четко очерченный профиль, я внезапно вспомнила свое первое впечатление от него тогда, в тронном зале. И слова Лионы,

сказанные позже.

Действительно, на редкость красивый мужчина.

Хоть и оборотень.

Глава 5. Новые планы

До Оресты нам удалось добраться еще до захода солнца, хоть для этого и пришлось всю дорогу подгонять лошадей. Сев был прав — слишком много времени было потрачено впустую у закрывшегося телепорта. Задержись мы еще немного и явись в городишко после наступления темноты, стучаться в закрытые ворота и объяснять стражникам, кто мы такие, пришлось бы как раз до рассвета.

Постоялый двор мы нашли неподалеку от городских ворот — напротив шумного и не слишком чистого кабачка под названием «Два веселых гуся», где над входом красовалась кривоватая, но яркая вывеска. Судя по чисто условному сходству изображенных пернатых с гусями, художнику щедро наливали авансом. Расседлав лошадей и задав им корм, мы вошли внутрь. Гостиница оказалась на удивление чистенькой и приличной, несмотря столь шумное соседство. После недолгих переговоров с хозяином насчет ночлега, было решено позаботиться о хлебе

насущном. Ужинать постояльцам гостиницы предлагалось внизу, в просторном, хорошо освещенном зале, наполовину заполненном посетителями. После нескольких лет одиночества такое обилие людей в одном месте, пожалуй, даже немного действовало мне на нервы. Я чувствовала себя здесь не в своей тарелке, хотя и старалась не подавать виду. Для создания уюта и домашней обстановки местные декораторы озаботились расписными тарелками, там и сям развешанными по стенам, и длинными ароматными гирляндами чеснока и стручкового перца, свисающими с потемневших от времени и копоти потолочных балок. Стоящий чуть особняком стол в дальнем углу зала оказался не занят, что мы немедленно и исправили. Место было удобное — мы не привлекали постороннего внимания, зато помещение просматривалось, как на ладони.

Свиные ребрышки и жареная картошка на наших тарелках уже подходили к концу, когда в помещение ввалился новый посетитель. Сразу несколько голов с любопытством повернулись в его сторону.

— Йан?.. — не веря своим глазам, я смотрела, как тот неуверенно топчется на пороге. — Йан!

Тот, наконец-то, заметив нас, сначала удивился, потом заулыбался и начал пробираться мимо столов и лавок в нашу сторону.

— Доброго здоровьица! — он с грохотом поставил у стола еще один табурет, прихваченный, видимо, прямо на ходу (я невольно оглянулась — не валяется ли кто-нибудь из посетителей на полу, бесцеремонно лишенный опоры), и, усевшись, удовлетворенно нас всех оглядел. — Вот ведь надо же, свиделись!

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, удивленно его рассматривая.

— Гуляю! — кузнец сиял, словно новенький золотой гривенник. — Награду-то за службу получил! Лошадку, опять же, хорошую... Вот и подался на все четыре стороны, куда глаза глядят, надолго не откладывая. Чего я в своих Забродичах-то не видел? То ли дело — мир посмотреть, людей там, города разные... А тут свечерело, вот я в Оресту и прибился. Дай, думаю, как приличные люди, переночую в гостинице, а не в чистом поле. Нешто мне денег жаль?

— В Элдаре хоть все в порядке? — спросила я у кузнеца просто так, на всякий случай.

— А что ему станется? — удивился тот. — Стоит, родимый! Ничего страшного, кажись, за день-то не случилось...

Действительно, что может случиться, одернула я сама себя. Всего один день прошел, как из дома уехала, а уже беспокоюсь. Да и не дом он мне теперь, вообще-то.

— А я тут, ваша милость, вот что подумал... — кузнец, тем временем, говорил о своем. — У меня теперь и деньги есть, и лошадь — так может, вы меня с собой возьмете? И мне веселей, и вам от меня, может, польза какая случится?

— Угу, случится... — буркнул Грейн, отвлекаясь на секунду от своей тарелки с едой. — Будем держать тебя в качестве продовольственного запаса — на случай, если с дичью в лесах будет совсем плохо-а-ай!..

Рыжий дарг сердито уставился на Хирата, невозмутимо убирающего сапог с его ноги. Перехватив его возмущенный взгляд, тот молча пожал плечами, Грейн обиженно зашипел, как раскаленная сковорода под холодной водой, но больше не произнес ни слова. Кузнец между тем продолжал смотреть на меня глазами, полными надежды.

— Вообще-то, я не могу решать такие вопросы в одиночку, — поколебавшись, осторожно ответила я и молча, глазами, указала ему на жертву. Йан понятливо кивнул — и тут же перенес свое внимание на Сева.

Дарг, между тем, не торопился отвечать на кузнецовы вопросы. Вместо этого он внимательно изучил сначала свою пустую тарелку, потом кузнеца, словно что-то прикидывая в уме. Судя по

всему, у него и своих вопросов имелось вдоволь.

— Значит, говоришь, ничего нового в Элдаре после нашего отъезда не произошло... — полуутвердительно произнес он, не сводя с кузнеца глаз. — И никто не приезжал в замок? В смысле, кто-нибудь *необычный* ?

— Это по сравнению с кем? — резонно ответил вопросом на вопрос Йан, выразительно глядя на оборотня. Я, не удержавшись, фыркнула.

— По сравнению с купцом, мясником или булочником, — не моргнув глазом, невозмутимо уточнил оборотень.

Кузнец честно задумался.

— Да, вроде, не было никого... Хотя — да! — вспомнил вдруг он. — Ближе к полудню, после вашего отъезда, в Элдар заявили четверо всадников. Все в черном, а на груди знак какой-то — вроде круг, одна половина серебряная, другая черная. Я их из конюшни видел, издалече, ничего больше толком не разглядел.

— Серебряный полумесяц? — тихо переспросил Хират.

Йан, поразмыслив, согласно кивнул.

— Вроде того. Балахоны-то на них были одинаковые, черные и с капюшонами, да только мне показалось, будто трое балахонов были мужики, а четвертый — баба. Походка у нее была такая... — Он сделал волнообразный жест

рукой. — Мужики так не ходят.

— Хорошее у тебя зрение, кузнец! — не удержавшись, поддел его Грейн, с усмешкой отдавая должное опытному глазу кузнеца, столь остро наметанному на баб.

— Не жалуясь, — с достоинством отвечив тот.

Я озадаченно сдвинула брови. В здравом уме натянуть на себя подобное одеяние могла только одна категория людей.

— Что могло понадобиться чародеям Магистериума в Элдаре?.. — задумавшись, вслух пробормотала я. На моей памяти, кроме магистра Дьордана, в замок еще ни разу не наведывался ни один чародей из Коббе-Ренвина.

— Откуда ж мне знать? — беззаботно отозвался Йан, приняв вопрос на свой счет. — Они отправились напрямиком к Владыке. Долго-онько с ним разговаривали!

— А потом? — теперь Сев смотрел на кузнеца с куда более пристальным вниманием.

— А что потом? — пожал плечами кузнец. — Потом сели на лошадей и двинулись восвояси. На Север, в сторону Норга.

— Ага! — удовлетворенно хмыкнул рыжеволосый оборотень и со звоном отодвинул от себя пустую тарелку. — Это хорошо.

Мой взгляд переходил с одного дарга на

другого со все возрастающей подозрительностью.

— Что-то я не пойму... — задумчиво протянула я в конце концов. — Вы что, уговаривались с ними о встрече в Элдаре да случайно разминулись?

Сереброволосый невозмутимо пожал плечами.

— Вовсе нет. Скорее, наоборот — и о встрече не уговаривались, и разминулись не случайно.

Значит, мой отец был осведомлен о предстоящем визите — и намеренно указал магистериумцам неверное направление? Ну и ну! Что за секретные дела у него могут быть с оборотнями?

— Может, вы объясните мне, что здесь происходит? — я впилась в лицо дарга требовательным взглядом, однако того было не так-то легко смутить.

— Давайте сначала закончим ужин, — спокойно предложил тот, словно после подобных намеков мне мог кусок в горло влезть.

— Я не голодна!

— Тогда пусть закончат остальные, — отрезал оборотень. После чего уже мягче добавил. — Вы всё узнаете, ваше высочество, когда мы поднимемся вверх. А пока — допивайте свой напиток.

Ужин заканчивали в полном молчании, причем все это время я нетерпеливо ерзала на

стуле. Наконец, Сев поднялся из-за стола и знаком показал мне следовать за ним. Все остальные, включая Йана, не сговариваясь, двинулись за нами.

Едва дверь в комнату дарга закрылась за последним входящим, я повернулась к нему:

— Итак?

— Вы так нетерпеливы, что я даже не знаю, с чего начать, — насмешливо развел руками оборотень.

— Начните с начала, — услужливо подсказала я. И, скрестив руки, уселась на край кровати, не сводя с него испытующего взгляда.

— С начала, так с начала, — согласился Сев. — Только, чур, к концу не зевать.

Я совершенно серьезно кивнула.

— Что ж, ладно, — разом посерьезнел он. — Тогда слушайте... Вся эта история началась примерно три года назад, когда на некую юную принцессу напал невесть откуда появившийся разъяренный гворкас — тварь такая дикая, знаете ли, из разряда нежити. Девушку удалось отбить у зверя, однако было поздно. Смертельно раненной, жить ей оставалось совсем недолго. И тогда мать принцессы, эльфийская чаровница, призвала на помощь единственного, кто, по ее мнению, мог помочь спасти девочку. Это был...

— Дракон! — невольно вырвалось у меня.

Озаренная внезапным прозрением, я уставилась на оборотня. Не знаю, откуда всё это стало ему известно, но рассказ с подобным началом был ни чем иным, как моей собственной историей.

— Да, именно. Дракон, — спокойно подтвердил дарг, кивнув. Он бросил на меня внимательный взгляд и продолжил. — Об удивительных свойствах драконьей крови издавна ходят легенды. С ее помощью свинец превращают в золото, исцеляют смертельные раны и даже проводят обряды, способные обратить время вспять... Мать девушки об этом знала, и поэтому обратилась за помощью к старинному другу ее рода, который откликнулся на Зов, хранимый в ее семье на протяжении многих веков. Дракон помог ей, девушка выжила. Однако в суматохе никто не обратил внимания на одно небольшое, но немаловажное обстоятельство. Девушка не была чистокровным эльфом — она была полукровкой.

Я медленно, словно во сне, утвердительно кивнула.

— На Терране существует множество разумных рас, обладающих разным обликом, умениями, талантами и способностями. Одни умеют плавать как рыбы, другие охотиться как звери, третьим послушны камни и металлы, четвертым покорна живая природа. И лишь две расы, не обладающие от природы никакими

магическими свойствами, тем не менее могут делать то, что не под силу всем остальным. Они могут творить свою собственную магию, колдовать. Эти расы — эльфы...

— ...и люди, — машинально закончила я за него. Эта часть повествования была уже достаточно хорошо знакома мне по учебникам, и дарг только коротко кивнул, соглашаясь со мной.

— Да, люди. Именно к этим двум расам принадлежит большинство известных миру чародеев. Однако есть еще и полукровки... Почему так выходит, никому неизвестно, но при смешении эльфийской и человеческой крови часто возникает совершенно необъяснимый эффект. Если физически от своих разнокровных родителей ребенок, как и все прочие, наследует лишь одну пару рук, ног и глаз, то магические свойства разной крови накладываются друг на друга и, в результате, усиливаются. Те немногие, кому посчастливилось родиться от смешанных союзов между эльфами и людьми, с раннего детства могут рассчитывать на то, что однажды займут достойное место среди чародеев Коббе-Ренвина или эльфийского Эйтар-Ллориэна — знаменитых магических университетов. Потому что с самого начала обучения магия — мягкая глина в их руках, и чародейские науки даются им легче, чем чистокровным сверстникам. — Оборотень

помолчал, глядя на меня с задумчивым прищуром. — А вот теперь начинается самое интересное.

Под его взглядом я неловко заерзала, чувствуя себя, образно говоря, не в своей тарелке. Да и то, что рассказ по-прежнему шел все обо мне да обо мне, тоже не радовало.

— Как я говорил, на Терране есть разумные расы, обладающие в той или иной степени магическими свойствами... А еще на Терране есть драконы. Они не обладают магическими свойствами. Драконы сами по себе — чистая первозданная магия. Эта магия течет в их крови, словно жидкий неразбавленный поток природной силы. И соединение этого потока с эльфо-человеческой кровью порождает к жизни нечто абсолютно новое — существо иной, отличной от других, расы.

Я почувствовала, как моя собственная кровь при этих словах начинает медленно отливать от лица.

— Три различных крови в смешении порождают собой создание, наделенное огромной силой и мощью — рэтриара, триединую сущность. Это существо способно на многое — изменять собственный облик и свойства окружающей материи, управлять пространством и временем, и даже создавать совершенно новую, иную

реальность...

— Но я всего этого не умею! — протестующе воскликнула я, чувствуя, как на лбу от волнения выступает испарина.

Оборотень невозмутимо пожал плечами.

— Я и не говорил, будто триединые делают это каждый день. В повседневной жизни они мало чем отличаются от обычных полукровок. Но при определенном стечении обстоятельств рэтриары способны превращаться в эдакие своеобразные живые врата в хаос... И чем богаче арсенал знаний и умений у триединого — тем больше бед он способен в этот момент натворить.

— О, боги... — В памяти всплыли воспоминания о столь предусмотрительно изъятых у меня родителями учебниках по магии. Значит, они знали!

— А теперь о чародеях Магистериума, — внезапно сменил тему разговора дарг.

— Не надо! — в отчаянии взмолилась я. — Я уже все поняла... Они приезжали не за вами, а за мной. Эдакий передовой отряд по зачистке местности от порождений хаоса и триединых! — С истерическим смешком я на мгновение закрыла лицо ладонями, чтобы хоть как-то отгородиться от шквала информации и немного успокоиться. — А вы умыкнули меня прямо у них из-под носа...

— Именно, — коротко кивнул Сев. — Честно

говоря, я надеялся, что вам не придется узнать всей этой истории. Согласитесь, версия с должностью чародейки тоже была весьма правдоподобна, — он улыбнулся. — Жаль, что нам не удалось спокойно добраться до Сорбронна, тогда я вполне мог бы и дальше держать вас в блаженном неведении. Но, с учетом изменившихся обстоятельств, теперь вам лучше быть в курсе.

— Разумеется, — я кивнула, убирая руки от лица. — Глупо было бы рисковать вслепую... Но, ради всех святых, объясните мне — ради чего *вы* ввязались во всю эту историю?

— Исключительно по доброте душевной, — не моргнув глазом, ответил Сев. — А еще по просьбе вашего батюшки... И по настоянию тетушки, разумеется.

— Батюшки? — недоверчиво повторила я, выпрямляясь. Насчет тетушки у меня сомнений не было, но — отец?.. Неужели он, в самом деле, хотел меня защитить? Неужели я так сильно ошиблась на его счет? Почему же тогда он ни разу не заговорил со мной об этом, почему не объяснил ничего — хотя бы на прощание? Или ему было абсолютно все равно, что я думаю обо всем этом?.. Я окончательно запуталась и перестала что-либо понимать.

— Почему он не сказал... — безотчетно прошептала я вслух. И тяжело вздохнула, понимая, что ответ на этот вопрос уже находится за

пределами моей досягаемости.

— Потому, что я его об этом попросил, — неожиданно ответил оборотень. — Мне было нужно, чтобы вы поверили, будто вас действительно изгоняют из отчего дома.

— Что? — я так резко подняла голову, что в глазах на мгновение потемнело. — Но зачем?!

— Затем, что я хотел вас уязвить... — Голос дарга прозвучал неожиданно сухо и холодно. — Хотел обидеть вас. Разозлить настолько, чтобы вы потеряли контроль над собой... Я хотел увидеть, какая вы — настоящая.

— Простите? — я уставилась на оборотня, не веря собственным ушам.

Это что, какая-то глупая шутка? Он уже столько раз в этот день морочил мне голову, что я совершенно перестала понимать, когда он честен, а когда — нет. Мне вдруг отчаянно захотелось вскочить и наброситься на него с кулаками. Сколько еще можно продолжать насмехаться надо мной? Я, в конце концов, не его игрушка!.. Судорожно вцепившись в край покрывала, я с большим трудом удерживалась, чтобы не поддаться этому безумному порыву. Вероятно, что-то такое отразилось на моем лице, потому что глаза дарга, все еще неотрывно следящие за мной, слегка потемнели, однако тот не шелохнулся. Несколько минут прошли в неестественной тишине,

нарушаемой для меня только бешеным биением крови в висках. Потом я усилием воли заставила себя немного успокоиться и перевела дух.

— А теперь прошу вас, Мирраэль, выслушайте меня внимательно, — тихо, но твердо проговорил Сев, дождавшись, пока я приду в себя. — Вы должны понять, что мои действия в данной ситуации не были ни прихотью, ни капризом — и что у поступков, которые кажутся вам безумными, на самом деле были веские причины.

Только сейчас я заметила, что он уже не стоит, а сидит передо мной на корточках. Теперь наши с ним лица были на одном уровне, и лицо оборотня было, при этом, необычайно серьезно.

— Когда ваш отец написал Норраэль и сообщил, что вами заинтересовался Магистериум, было решено на всякий случай убрать вас из Элдара куда-нибудь подальше — туда, где цепкие руки Егерей не смогут до вас дотянуться, за пределы человеческих территорий. Однако, имея некоторое представление о природе рэтриаров, мы понимали, к чему может привести появление молодой триединой в мирной даргианской долине. И чтобы подстраховаться от возможных неприятностей в будущем, было решено устроить вам небольшое испытание. Именно для этого я и должен был вызвать ваш гнев... пусть даже на собственную

голову.

Я снова удивленно моргнула и выпустила покрывало из пальцев.

— Не понимаю... Зачем?!

— Затем, что одной из самых печально известных черт триединых, оставивших след в истории Террана, была их безудержная и подчас совершенно не контролируемая ярость. Я ведь уже говорил вам, что при определенном стечении обстоятельств рэтриары способны очень на многое? Это обстоятельство — их ужасающий в своей мощи гнев, безудержный и неконтролируемый, способный привести к фатальным разрушениям и бедам. Не устрой мы эту проверку — и окажись вы вдруг по натуре вспыльчивы и необузданы — нашей долине, принявшей вас под свою защиту, очень быстро мог бы прийти конец.

Его слова подействовали на меня неожиданно отрезвляюще. Я потрясенно моргнула, уставившись на оборотня широко распахнутыми глазами. И только сейчас заметила, что рядом со мной, кроме серебряного, давно никого нет. Я удивленно оглянулась. Остальные стояли у дальней стены, настороженно наблюдая оттуда за ходом нашей беседы — и только Йан недоуменно хмурился, явно не совсем понимая, что происходит.

Они меня боялись! Святые угодники... Неужели я действительно выглядела сейчас так

пугающе со стороны? Краска смущения жаркой волной залила мое лицо. Видимо, заметив перемену в моем настроении, Сев подался вперед и ободряюще коснулся моего плеча.

— Я не знал, каким именно образом можно было бы разгневать вас, чтобы проверить наши опасения, а потому спросил об этом вашего отца. Он ответил, что таких вещей не так уж и много, но предательства близких вы, скорее всего, не простите. Вот поэтому-то мы и рискнули разыграть перед вами весь этот маленький спектакль... Не думайте плохо о своем отце. На самом деле, он сделал это из лучших побуждений.

При этих словах я упрямо поджала губы. Кто бы что не говорил, но в том, что касалось отца, я предпочитала иметь свое собственное мнение. Три года, проведенных в заточении, нельзя было так легко забыть... Я снова задумчиво посмотрела на оборотня. Почему он решил рассказать мне все это? Ради очистки совести? Еще минуту назад я была готова убить его за подобные откровения, так почему же он остался рядом со мной, а не вещал истину из дальнего угла, стоя рядом с остальными?

— Почему... — я вдруг осеклась, не зная, как правильно сформулировать свой вопрос вслух. Оборотень, как ни странно, понял меня без слов.

— Потому что тогда, в Элдаре, во время испытания я увидел перед собой не дикую ярость

триединой, а всего лишь понятную обиду отвергнутой дочери. Да, вы были разгневаны, но это был вполне нормальный *человеческий* гнев... — И он неожиданно усмехнулся, видимо, что-то вспомнив. — Вернее, весьма зрелищный гнев чародейки.

Я не ответила на его улыбку, продолжая задумчиво вглядываться в его лицо. Злость, кипевшая во мне до этого времени, успела перегореть, оставив после себя лишь пустоту и странное разочарование. Во всем этом была какая-то своя горькая истина — где бы я ни оказалась, куда бы ни направилась, я всегда и везде буду для всех чудовищем, которого следует опасаться, и с которым всегда надо быть настороже...

— Так вы считаете, что одного испытания достаточно? А что если вам просто повезло в тот раз? — с невеселой усмешкой спросила я. — Давайте же, не стоит останавливаться на достигнутом! На вашем месте я бы непременно устроила еще одну проверку! — Как я ни старалась, мне не удалось скрыть горького сарказма в своих словах.

— Вы ее только что прошли, — негромко сказал оборотень. И, помолчав, добавил. — Честно говоря, я нисколько не сомневался, что так оно и будет.

Он бросил быстрый взгляд в дальний угол комнаты — туда, где стояли остальные. Мне показалось, Хират едва заметно нахмурился, словно все еще не был до конца убежден. Я снова с силой стиснула пальцы, однако не проронила ни слова. Сев повернулся и вновь посмотрел на меня, однако теперь это был совершенно другой взгляд.

— Я буду рад сопровождать вас в Сорбронн, Мирраэль... — он вдруг протянул руку и ободряюще накрыл мою ладонь своей. — Уверен, вам там понравится. И обещаю — больше никаких проверок.

Теперь он снова улыбался уже знакомой мягкой улыбкой, которую я успела так хорошо узнать за этот день. Это заставило меня немного расслабиться. Краем глаза я заметила, что остальные несколько смущенно подтягиваются обратно к нам двоим, и тихо спросила:

— На что же тогда похожа настоящая ярость триединого?

— Сложно сказать наверняка, — оборотень неопределенно пожал плечами. — Полагаю, будь на вашем месте другой рэтриар, на месте гостиницы сейчас вполне могла бы остаться одна лишь обугленная воронка.

И заметив выражение моего лица, поспешно добавил:

— Это только предположение! Возможно,

было бы просто небольшое землетрясение... В любом случае, теперь вы достаточно хорошо представляете себе, за что Магистериум не любит триединых.

Куда уж лучше... Я озабоченно нахмурилась, мысленно возвращаясь к началу нашей беседы.

— Что же мне теперь делать? — тихо пробормотала я, ни к кому конкретно не обращаясь, и зябко передернула плечами.

— Ничего особенного, — отозвался Сев. — Продолжать путь — правда, теперь уже с оглядкой через плечо, раз уж не получилось улизнуть от Магистериума через телепорт. Боюсь, они окажутся сообразительнее, чем мы предполагаем, и очень скоро снова нападут на наш след.

— Мне жаль, — искренне произнесла я. — Из-за меня вы оказались вдали от дома, с Магистериумом, идущим по пятам, да еще и в компании существа, от которого можно ждать чего угодно и в любой момент... Лучше бы вы оставили меня в Элдаре, честное слово!

Дарг, однако, абсолютно не принял моего пораженческого настроения.

— Вы не о том думаете, Мирраэль. Я не для того вам все это рассказал, чтобы вы принялись упиваться жалостью к себе и самобичеванием, — довольно резко отозвался он, поднимаясь на ноги и глядя на меня сверху вниз. — И сопровождать вас в

Сорбронн мы вызвались сами, никто нас не принуждал. Все, что изменилось за последние несколько часов — это лишь время, которое нам придется потратить на возвращение домой. И, если уж такого поворота событий мы не смогли предвидеть, то это — наш промах и больше ничей.

Оборотень немного помолчал, задумавшись, и добавил.

— Если же вы хотите внести свой вклад в безопасность нашего путешествия, то сделайте-ка вот что. Я уже понял, как дорог вам Октрион, но всем будет спокойнее, если для вас он останется не сборником заклинаний, а исключительно сувениром, на память о матери. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

Я нахмурилась и, чуть поколебавшись, кивнула. Как ни печально, но он был прав. Магией мне заниматься, определенно, не стоило.

Оборотень, между тем, обернулся к своим товарищам.

— Хират! Карта у тебя?

— Конечно! — с некоторой гордостью отозвался тот. — Ты же знаешь, я на полдня из долины выезжаю, а собираюсь, как в дальний поход.

— И в этот раз, Утор побери, ты оказался прав, как никогда... — без улыбки буркнул Сев, направляясь к столу у окна.

Хират уже расстилал там старую потрепанную карту Террана. Не прошло и минуты, как оборотни дружно склонились над ней, всецело погрузившись в обсуждение предстоящего маршрута. Казалось, обо мне они на время совершенно забыли. Я еще немного поразмышляла о том, что случится, когда ищейки Магистериума нас все-таки найдут — а в том, что это рано или поздно произойдет, у меня сомнений не было. Будет ли это публичная казнь или меня тихо прикончат на месте?.. А может, мне все-таки удастся каким-то чудом сбежать от них? Надо сказать, резкая отповедь оборотня в ответ на мои стенания возымела-таки должный эффект — желание жалеть себя прошло, уступив место мрачной решимости бороться до последнего... Ну или хотя бы попытаться это сделать. Ведь, в конце концов, я теперь не одна.

Потом я начала краем уха прислушиваться к разговору даргов. Хират и Грейн то и дело спорили, без конца перебивая друг друга. Русоволосый оборотень настаивал на том, чтобы идти напрямик через леса, сокращая путь и избегая человеческих поселений. Грейн возражал, что ломая ноги лошадей по буеракам, мы лишь растянем путешествие на более долгий срок, повышая собственные шансы попасть в неприятности. Кроме того, людей можно и не любить, но пользоваться благами цивилизации, вроде гостиниц и хороших

дорог, никто не мешает.

Не удержавшись, я тоже подошла и взглянула на карту. Увиденное так меня заинтересовало, что на время я и думать позабыла о своих тревогах.

На первый взгляд, эта карта не сильно отличалась от той, какую я многие годы видела висящей на стене в отцовском кабинете. Но одно, и весьма существенное, отличие на ней все же имелось — эта карта была *полной*. Вместо огромного, на много сотен квадратных верст, серого пятна посреди материка, именуемого Проклятыми Землями, на этой карте были нанесены горы и долины, города и селения, названия которых мне были почти сплошь незнакомы. Здесь был и известный мне по детским воспоминаниям — а еще больше, по материнским рассказам — эльфийский Фьерр-Эллинн, окруженный со всех сторон болотом, и еще несколько совершенно незнакомых долин в обрамлении внушительных горных массивов. В одном месте, там, где горы вокруг долины стояли сплошным кольцом, я заметила витую надпись на зеленом фоне: «*Сорбронн*».

Вот, значит, как...

— Любопытно, — пробормотала я. Однако никто не обратил на меня внимания.

— Да пойми ты, ослиная голова, что в лесах легче затеряться! Магистериуму ни за что не отыскать нас там, если только они не станут

заглядывать под каждый куст!

— Наоборот, в городах высокий магический фон из-за кучи практикующих чародеев! Там они нас просто не смогут выделить из общей толпы! — стоял на своем Грейн. — А то, что за нами теперь неслабый магический шлейф тянется, так это к гадалке не ходи! Да и спать все время на сырой земле лично мне совсем не улыбается...

— На ночлег в городе у нас все равно нет денег, а тебе пора уже перестать быть таким неженкой! Кроме того, мы не можем себе позволить сейчас туристические прогулки — если мы не вернемся в Сорбронн до новолуния, сам знаешь, что будет... Надо идти напрямик.

«А что будет в новолуние?» — ужасно захотелось мне спросить, но я героически сдержалась. Тем не менее, это снова напомнило, что в нашей компании я не единственная, от кого можно ждать сюрпризов.

— До новолуния еще почти три недели, — спокойно проговорил Сев, вступая в дискуссию и этим заставляя обоих спорщиков заметно понизить голоса. — Кроме того, еще действительно слишком холодно, чтобы кое-кому из нас три недели кряду ночевать в лесу. Мне бы хотелось довести принцессу до Сорбронна не только живой, но и по возможности здоровой. Без заходов в селения нам не обойтись, даже если это займет больше времени.

Вообще-то, не такая уж я и неженка, мысленно возразила я. В башне тоже удобства были не ахти... Но вслух спросила о другом.

— А что если мы отправимся на юг?

— Глупости! — упрямо фыркнул Грейн, похоже, твердо настроенный сейчас перечить всем и во всем. — Нам же надо на восток!

— Да, знаю, — кивнула я. — Просто подумала...

— Мы не можем себе позволить отклонений от маршрута, у нас поджимает время, — со своей стороны проворчал Хират.

— ...что мы могли бы отправиться в Роснант! — немного повысив голос, чтобы перекричать спорщиков, все-таки закончила я. Над столом неожиданно воцарилась тишина — и я, смутившись, тут же начала оправдываться. — Нам ведь нужен телепорт, верно? Вот я и подумала...

— Отличная идея, — неожиданно сказал сереброволосый дарг и, поймав мой взгляд, едва заметно улыбнулся. — Так и сделаем.

— А ведь верно... — произнес Грейн после минутной паузы, глянув на меня с некоторым удивлением. — Молодец, ваше высочество!

— Роснант? — задумчиво повторил Хират, побарабанив пальцами по карте. — Что ж, это мысль! Та-ак. Неделя пути... — забормотал он, уже не обращая ни на кого внимания и сразу взявшись

за подсчеты. — Ну может, дней восемь. Если, конечно, ничего не случится...

Через несколько минут новый маршрут, ведущий к городу-телепорту, был почти закончен.

— Отлично, Мирраэль, — тихо обратился ко мне Сев. — Вот теперь мне нравится ваш настрой... Что ж, одну проблему мы, похоже, решили. Осталась еще одна.

И, поймав мой вопросительный взгляд, он кивнул в сторону кровати за моей спиной.

— Что будем делать с вашим другом?

Я оглянулась. Кузнец развалился поперек широкой кровати и безмятежно спал крепким сном праведника. Ни споры оборотней, ни внезапная последующая тишина его ни капли не потревожили.

— Вообще-то он хотел отправиться с нами... — осторожно напомнила я.

— Плохая идея, — твердо сказал дарг. — Чем больше будет отряд, тем сильнее мы будем привлекать к себе ненужное внимание. Лучше займите его чем-нибудь, дайте ему какое-то задание.

— Какое?

— Полагаюсь на вашу фантазию. Насколько я успел убедиться, с этим у вас не должно возникнуть проблем.

Озадаченная подобным образом, я приблизилась к кузнецу. Ну и какое же поручение я

должна ему придумать? Поколебавшись еще некоторое время, я осторожно тронула его за плечо. К моему удивлению, Йан тут же сел, словно и не спал вовсе, и вопросительно уставился на меня.

— Йан... Ты говорил, в Элдаре никто не ждет твоего возвращения? — на всякий случай уточнила я.

Тот отрицательно покачал головой.

— Неа... Ваш батюшка дозволил мне убираться на все четыре стороны.

Я задумчиво кивнула. Да уж, это было очень на него похоже. Пытаться удержать кого-либо возле себя, да еще против воли, было явно не в его правилах... Бедная Лиона, оставшаяся в замке совсем одна!

Меня вдруг осенила идея.

— Йан, мне нужна твоя помощь.

Кузнец, не раздумывая, коротко кивнул, и я невольно улыбнулась. Хороший он, все-таки, парень.

— Моя сестра — Лиона, ты ее видел — собирается в ближайшее время сбежать из замка.

Я полезла в карман куртки в надежде кое-что там найти.

— Как — сбежать?! — удивился кузнец.

— Как-как... Тайком, — рассеянно проворчала я и нахмурилась, ибо искомой вещи в кармане не оказалось. — Я хочу, чтобы ты вернулся

в Элдар, но только так, чтобы тебя никто не видел, и убедил Лиону взять тебя в провожатые. Мне было бы гораздо спокойнее, если бы ты охранял ее в дороге... куда бы она не направилась.

— Лады, — кузнец кивнул и сосредоточенно нахмурился. — Только где ж мне ее ждать, так чтоб меня не увидели? Не в замке же!

— Конечно, нет. Погоди-ка... — я немного подумала. — Значит, так. Лиона собирается сбежать в Шьеен-Май...

— Куда?! — снова опешил Йан.

— В Шьеен-Май, Школу Амазонок, — терпеливо повторила я, обыскивая другой карман. — Это к югу от Элдара. Значит, она должна будет ехать по юго-восточному тракту по крайней мере до границы с Лагросом. Вот на тракте ты ее и подождешь.

— И сколько ж времени придется ее ждать?

— Понятия не имею, — призналась я. — Вполне возможно, что она уже прямо сейчас собирает последние вещички... Чем быстрее ты вернешься в Элдар, тем лучше.

Наконец-то! Я выудила из кармана куртки золотой гривенник и протянула кузнецу.

— Вот. Купишь себе еды, пока будешь ее ждать. Думаю, дня на три хватит. Но, скорее всего, это не займет так много времени.

— Не надо, у меня есть, — попробовал было

отказаться Йан, но я силой сунула деньги ему в ладонь.

— Не понадобится, вернешь. Заодно будет повод встретиться... Да, и еще! Подожди-ка меня здесь.

Оставив Йана с оборотнями, я спустилась на первый этаж и разыскала хозяина корчмы, чтобы тот снабдил меня писчей бумагой и пером с чернильницей. Вернувшись в комнату и торопливо черкнув несколько строк, я свернула записку в аккуратный свиток и, подержав его на сложенных лодочкой ладонях, прошептала короткое заклинание. Воздух вокруг свитка резко сгустился, маленький полупрозрачный Вестник поднялся над моими ладонями, трепеща в душном воздухе комнаты легкими проворными крыльями. Кузнец за моей спиной удивленно крикнул. Я раскрыла ставни — и Вестник, сделав пробный круг по комнате, промчался мимо меня и выпорхнул в окно, устремившись в ночное небо.

Я повернулась к Йану.

— Это письмо к Лионе. Надеюсь, оно ее убедит. Хотя лучше будь готов к тому, что она будет отказываться от помощи — и, пожалуйста, что бы она ни говорила, сумей настоять на своем.

— Не вопрос! — откликнулся кузнец. — Вот только не пойму, почему меня не должны видеть?

— А ты что, хочешь, чтобы твой новый отъезд

из Элдара кто-нибудь увязал с исчезновением последней элдарской принцессы? — с иронией поинтересовалась я. — Знаешь, чем чревато обвинение в похищении королевской дочери?

— А... ну да, — кузнец нахмурился и кивнул, соглашаясь со мной. И снова перевел разговор на свое. — Ну а потом-то вы возьмете меня с собой?

— Обязательно, — без особых угрызений совести соврала я. А может, и не совсем соврала... Мне вдруг пришло в голову, что, возможно, в следующий раз убедить моих спутников взять Йана с собой будет не так уж и сложно. В конце концов, он исполнитель, смышлен и, к тому же, далеко не трус. В общем, проживем — увидим.

— А как же я вас найду? — продолжал допытываться кузнец.

— Никак. Я сама тебя найду. Можешь дать мне какую-нибудь свою вещь? Желательно, что-нибудь небольшое.

Йан похлопал себя по карманам и отрицательно покачал головой. Потом, просветлев лицом, полез за ворот рубахи. Сняв с шеи тонкую серебряную цепочку, он мгновение поколебался и положил мне на ладонь маленькую ладанку.

— Вот, держите.

Я посмотрела на изящную вещицу, словно сплетенную из тончайшей серебряной паутины. Оригинальный орнамент, сложное плетение.

Странное украшение для крестьянина, однако на нем явственно ощущался отпечаток ауры кузнеца — видимо, эта вещь была у него довольно давно.

— Не жалко отдавать?

— Неа, — улыбнулся кузнец. — Вот свидимся, тогда и вернете.

Я положила ладанку в карман куртки, потом передумала и повесила ее себе на шею, под рубашку. Маленький серебряный медальон еще хранил тепло чужого тела. Это хорошо, что металл, подумала я. С металлами легче работать.

— Ну тогда — до встречи, стало быть? — уже в дверях обернулся к нам кузнец.

Сев единственный оторвался от карты и коротко кивнул ему в ответ. Грейн и Хират никак не отреагировали, снова яростно о чем-то споря между собой.

— До встречи, Йан, — попрощалась я за всех остальных.

И кузнец, наконец, ушел.

Вернувшись к себе в комнату ближе к полуночи, уставшая и полная самых противоречивых эмоций, я собралась было, не раздеваясь, сразу рухнуть на кровать, но раздумала. Постояла в нерешительности посреди комнаты, потом подошла к умывальнику. Там, над глиняной миской с обколотыми краями и выдавшим виды

пузатым кувшином с водой, на стене висело старое, потускневшее от времени зеркало. Некоторое время я простояла неподвижно, глядя на свое нечеткое отражение, маячившее в его туманной глубине.

Вот она — ирония судьбы. Я так долго пребывала во власти детских страхов относительно моих нынешних спутников, а оказалось, что они точно также опасались меня самой. Хотя нет — пожалуй, меня даже больше... С моих губ невольно слетел тихий нервный смешок.

Кроме того, теперь на меня еще и охотились.

Я и раньше слышала краем уха об отряде магов-охотников при Магистериуме, именуемом Егерями, однако вся информация была весьма расплывчата. Было лишь известно, что этот отряд занимался, в основном, «зачистками» в особо опасных районах, населенных агрессивной нежитью — там, где обычные чародеи были не в силах справиться. Для самих же Егерей сложных ситуаций, казалось, попросту не существовало. Кроме того, ходили слухи, будто Егеря были причастны к устранению некоторых свободомыслящих магов, слишком увлекшихся темными областями магии — но правда это или нет, я не знала. Неизвестно было и сколько человек состоит в этом отряде. Впрочем, сколько бы ни было — все они наверняка были необычайно сильными и опытными магами, ибо о неудачах

Егерей до сих пор никто никогда не слышал... Тем не менее, если раньше вся эта информация воспринималась мной со знаком плюс, то теперь все всплывающие в памяти факты сливались в один зловещий жирный минус.

Я раздраженно тряхнула головой, отгоняя от себя мрачные мысли.

— Чудодейственная драконья кровь! — с мрачным сарказмом пробормотала я, вспомнив недавнюю лекцию оборотня и криво усмехнувшись своему отражению в зеркале. Не кровь, а настоящий приговор с отсрочкой исполнения... чтоб ей пусто было!

В этом была какая-то горькая насмешка судьбы. Эта кровь ни на мгновение не давала о себе забыть. Я могла контролировать собственные изменения, могла по желанию сдерживать их или подавлять... Вот только отказаться от них полностью, увы, не могла. Со времени последней трансформации прошло почти две недели, и теперь драконья часть моей сущности настоятельно требовала уделить ей внимание. Я постояла еще с минуту, прислушиваясь к собственным ощущениям, пока не поняла, что сопротивляться все нарастающей ломоте в суставах уже бесполезно. Все еще глядя в зеркало, я вздохнула и дернула ворот рубахи, распуская шнуровку. Хорошо все-таки, что у меня отдельная комната.

драконья часть моей сущности действительно требовала уделить ей.

Мне снова вспомнилась сегодняшняя проверка. Интересно, как бы поступил со мной Сев, если бы моя реакция на его провокации оказалась не такой... человеческой? Согласился бы тогда взять меня с собой в Сорбронн или же спокойно отдал бы на расправу Егерям?

Нет, тут же одернула я себя. Он сказал, что был полностью во мне уверен. И думать о том, что, возможно, это была всего лишь успокоительная ложь, мне совершенно не хотелось.

Глава 6. В путь

На рассвете меня разбудил громогласный диалог, происходящий, по-видимому, прямо под окном. Хозяин нашего постоянного двора и владелец «Веселых гусей» переговаривались прямо через дорогу, не утруждая себя необходимостью подойти ближе друг к другу и не заботясь о том, что кого-то могут побеспокоить их душевные беседы ни свет, ни заря. Рассеянно прислушиваясь к их многословным рассуждениям о выросших ценах на ячмень, ожидаемой погоде и личной жизни нестарой вдовы по соседству, я не спеша привела в порядок одежду, поплескалась в миске с водой и, подойдя к окну, выглянула на улицу.

Солнце еще только-только показалось румяным наливным бочком из-за горизонта, а четыре полностью оседланные лошади уже дожидались нас во дворе. Я невольно залюбовалась ими. Три черных, как смоль, холеных жеребца и огненно-рыжая кобыла-д'арриэн, похожая на язык пламени среди углей.

В коридоре слышались шаги, в дверь постучали.

— Доброе утро, Мирраэль! — раздался голос из-за двери. — Спускайтесь скорее вниз, если хотите застать хоть что-то съестное на кухне. Поскольку в данный момент там всю хозяйничают Грейн с Хиратом, советую поторопиться — у этих двоих поистине волчий аппетит.

Словно в ответ на его слова, мой желудок издал громкое урчание. Я подхватила сумки, сваленные вчера прямо на пол, и поспешила вниз. Интересно, как он догадался, что я не сплю?

Первое, что я заметила, спустившись вниз, было то, что сегодня оборотни достали оружие, которое еще вчера держали мирно притороченным к седлам. Сев укрепил за спиной длинный, узкий меч, похожий на эльфийский, но без присущего эльфийским клинкам витиеватого орнамента на рукояти. Второй, более короткий, с широкой изогнутой гардой, пристегнул к поясу на правом

бедре. Хират вооружился одним мечом, тоже в заплечных ножнах, и парой длинных кинжалов на поясе. Грейн же, в отличие от своих собратьев, обошелся без мечей, подпоясавшись широким кожаным ремнем с восемью короткими метательными ножами, по четыре с каждой стороны. Кроме того, я заметила у него на запястьях странные наручи. Широкие кожаные браслеты были сплошь покрыты плоскими кармашками, из которых выглядывали тонкие металлические диски с зазубренными краями. На первый взгляд браслеты казались покрытыми крупной рыбой чешуей.

— Что это такое? — поинтересовалась я.

— Метательные звездочки, — бодро ответил Грейн. — Очень удобная штука! И места много не занимают, и урон наносят ощутимый... Если, конечно, уметь ими пользоваться! — И он хитро подмигнул мне.

Я пригляделась к звездочкам внимательней.

— Они что, серебряные?

— Ну да, — Грейн непринужденно пожал плечами. — Мало ли, против кого их придется применять. Неизвестно, что водится в здешних лесах.

— Ну да... — в тон ему задумчиво повторила я. — Разумеется...

Ну вот, еще один миф разлетелся вдребезги! А

ведь серебро всегда считалось первейшим средством против оборотней, умертвиев, вампиров и всякой нежити — это я знала абсолютно точно. В последние годы моей жизни в Элдаре даже самая последняя кухарка в замке бряцала столь многочисленными серебряными украшениями, что казалось, будто в замке расквартирован целый взвод паладинов в полном боевом облачении. Эти «спасительные» побрякушки занимали у родственников, покупали, выменивали — и все потому, что, по мнению элдарцев, я вполне подходила под определение нежити. А еще говорят, что прислуга бедно живет...

— Зачем вам столько оружия? — тихо спросила я Сева. — Кажется, вчера вы говорили, что мы не собираемся сражаться с чародеями?

— Совершенно верно, — спокойно ответил оборотень, неторопливо застегивая на запястьях широкие кованые наручи. — Более того, в идеале хочется избежать драки вообще с кем бы то ни было, потому-то мы и вооружаемся.

Поняв по моему взгляду, что никакой логики в его рассуждениях я не улавливаю, Сев снисходительно усмехнулся и пояснил:

— В человеческих землях, Мирраэль, оборотни не в чести — и игнорировать это обстоятельство нам негоже. В любой городской корчме или трактире обязательно найдется пара

пьяных забияк, для которых встреча с оборотнем — отличный повод для шумной драки. Демонстрация же пары острых клинков поможет остудить их горячие головы. Кроме того, соваться в любой большой город без оружия любому — будь то оборотень или человек — опрометчиво и опасно. Путешественники, проделавшие долгий путь и при этом безоружные, выглядят весьма подозрительно. Нам же ни к чему лишнее внимание — ни со стороны городской стражи, ни со стороны местного воря, любящего поживиться за чужой счет.

— Но ведь мы только что провели ночь в человеческом селении, и, по-моему, никаких проблем не возникло!

Сев снова улыбнулся.

— В провинциях есть своя прелесть. Местные жители, по незнанию, приняли нас за эльфов.

— За эльфов? — удивленным эхом повторила я за ним. И тут же, спохватившись, хлопнула себя по лбу: — Ох, ну конечно же!..

Оборвав фразу на полуслове, я прикрыла глаза и быстро сотворила короткое заклинание. А потом снова взглянула на Сева. Внешность стоящего предо мной дарга немедленно начала изменяться. Острый мыс волос над бровями распрямился, открывая высокий умный лоб, уши стали чуть уже и еще острее, клыки втянулись. Радужка зрачков пожелтела и заиграла темным янтарем, а волосы —

и без того гладкие и блестящие — удлиннились, теперь ниспадая серебряным водопадом до самого пояса. За какую-то долю секунды красавец-оборотень превратился в столь же неотразимого красавца-эльфа.

— Вот и все! — проговорила я, с трудом заставляя себя оторвать от него взгляд и отступая на шаг назад.

Оборотень, все это время вопросительно наблюдавший за мной, молча потянулся к лежащему на столе полированному медному подносу. Не знаю, как он догадался, что именно я сделала — может, увидел собственное отражение в моих глазах... Пару мгновений он с интересом рассматривал себе в импровизированном зеркале, после чего обернулся ко мне.

— Отличная работа, Мирраэль! Вы — молодец, — без тени иронии произнес он. — Это действительно может значительно облегчить наше путешествие. Если, конечно, вы проделаете то же самое с этими двумя... — И он кивнул в сторону Хирата и Грейна.

Я только молча улыбнулась в ответ. На преобразование «этих двоих» ушло еще несколько минут. Не удержавшись, я немного приукрасила внешность обоих даргов, наверное, подсознательно взяв за образец облик их предводителя. К моменту завершения моих гримировочных работ мы,

четверо, составляли на редкость колоритную и красочную группу. Трое вооруженных до зубов странствующих красавцев-эльфов и я, похожая на только что аттестовавшуюся ведьму-практикантку. Тот еще квартет! Вряд ли кто-нибудь в здравом уме захочет связываться с подобной компанией. По крайней мере, мне очень хотелось в это верить.

— Ну что ж... — после беглого осмотра результатов моего труда подвел итог Сев. — Раз все готово, думаю, наш бродячий цирк может выдвигаться в путь. Время не ждет.

И, собрав свой нехитрый скарб, мы бодро двинулись на юг.

Перед самым отъездом я, не удержавшись, сотворила еще одного Вестника — для Норры. Мысль о том, что с эльфийкой могло что-то случиться, не давала мне покоя. Если даже по какой-то причине она не сумела открыть для нас телепорт, то могла бы, по крайней мере, связаться с нами каким-нибудь другим способом... Что-то очень серьезное, наверное, должно было произойти, чтобы помешать ей сделать это. Я размышляла над этим все утро, пока моя лошадь послушно шагала следом за черными жеребцами даргов.

Широкая тропа вилась между старыми раскидистыми дубами, толстые сучья нависали над ней, образуя длинную тенистую аллею. Солнце,

пробиваясь сквозь кружево листвы, расцветивало землю мириадами солнечных зайчиков. Вскоре древесные стволы встали плотнее, тень над тропой сгустилась. Мы въехали в лесок. День выдался солнечный — первый по-настоящему жаркий весенний денек в этом году. Мучимая непривычной жарой, я давно сняла куртку и даже не заметила, как опустошила флягу. Это открытие повергло меня в уныние, усилив и без того непрекращающуюся жажду. Отвлекшись от собственных ощущений, стараясь думать о чем-нибудь абстрактном, получалось плохо. Я уже была готова, наплевав на собственную гордость, попросить фляжку у Сева, когда тот неожиданно объявил привал.

— Ну, наконец-то! — с облегчением выдохнул рыжий дарг, тут же соскальзывая со спины своего коня. — Зов природы, простите за откровенность, уже просто оглушает! — И с этими словами он стремительно скрылся за ближайшими зарослями.

Не прошло и десяти минут, как, стреножив лошадей, мы все тоже разбрелись в разные стороны.

— Не отходите от меня далеко, Мирраэль, — коротко предупредил меня Сев. — В лесу может быть опасно.

— Ага... — рассеянно отозвалась я, про себя подумав, что с моим-то чувством направления

заблудиться в этом лесочке будет довольно сложно. Мы направились вглубь зарослей параллельными курсами, и какое-то время я еще видела мелькающую среди листвы серебристую макушку оборотня. А потом услышала звук.

Этот звук узнавался сразу. Как голодный всегда узнает шипенье яичницы на сковороде — так страдающий от жажды никогда ни с чем не спутает звонкое журчание ручья. Осторожно раздвигая ветви кустарника, я устремилась вперед, то и дело ориентируясь на слух... Вот оно! Бережок, представший моему взгляду, шелковился густым разнотравным ковром. Белели соцветия крестоцвета, сверкали маленькие солнца золотистых медвяниц, тут и там над травой лохматились высокие заросли ведьминога волоса. Пейзаж выглядел совершенно идиллически, однако в данный момент я была не способна оценить его по достоинству — подгоняемая жаждой, прямиком устремилась на звук весело плещущейся за разнотравьем живительной влаги.

И сразу же была вынуждена остановиться. Бережок у ручья оказался весьма крутой — просто так до воды не дотянешься!

Я в задумчивости огляделась. Неподалеку от меня, чуть выше по течению, над водой с берега склонялось тонкоствольное, но с виду крепкое деревцо. При ближайшем рассмотрении и

критическом осмотре со всех сторон, деревце было признано годным в качестве опоры. Ухватившись за ствол рукой, я склонилась как можно ниже к воде, стараясь дотянуться до искрящейся на солнце влаги. Но это оказалось не так-то просто! Деревцо под моим весом страдальчески сгибалось, поскрипывало, однако держалось изо всех сил. Вода в ручье была кристально чистой, и все же, как я не всматривалась, дна так и не увидела — оно терялось где-то там, в холодной прозрачной глубине, куда не проникали солнечные лучи.

Я попыталась наклониться еще ниже — до воды оставалось уже совсем чуть-чуть! — и тут прямо над моим ухом раздался громкий сухой треск. Древесный ствол, в корне не согласный с моим методом использования зеленых насаждений, не выдержал — и с хрустом переломился, оставив свою надземную часть в моей руке. Я инстинктивно взмахнула руками, на мгновение в полной мере испытав чувство свободного парения над поверхностью воды, буквально излучающей ледяной холод...

И тут же почувствовала, что кто-то крепко держит меня сзади за пояс. Потом меня аккуратно вернули в вертикальное положение и поставили на ноги. Я слегка покачнулась, и чьи-то сильные руки поймали меня снова.

— О-ох!.. — тихо выдохнула я, все еще не